

A full-page illustration of a man and a woman in dark, formal attire standing in front of a castle. The man is on the left, looking directly at the viewer. The woman is on the right, with long blonde hair, looking slightly away. They are holding hands, and a bright, glowing orange light emanates from their palms. The background features a large, moss-covered stone castle with multiple towers under a dark, cloudy sky. A single bird is flying in the upper right corner.

ОЛЬГА ЯРОШИНСКАЯ

ПРАКТИКА ДЛЯ ДВОИХ,
или ПОЦЕЛУЙ
ПО ОШИБКЕ

Ольга Ярошинская

**Практика для двоих,
или Поцелуй по ошибке**

«Автор»

2026

Ярошинская О. А.

Практика для двоих, или Поцелуй по ошибке /
О. А. Ярошинская — «Автор», 2026

Ради спасения папы я готова на все: украсть редкий цветок, отправиться в скверну, поцеловать Роско... Ой, это вышло случайно, но теперь он одержим таинственной незнакомкой. Нас отправляют на практику, и у меня целая куча задач: выжить, найти лекарство для папы и не прибить нахального Роско, который не знает, что девушка его мечты – это я.

© Ярошинская О. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Не малина	5
Глава 2. Пора собираться	12
Глава 3. Пост	18
Глава 4. На разведку	24
Глава 5. Должок	31
Глава 6. Уговор	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ольга Ярошинская

Практика для двоих, или Поцелуй по ошибке

Глава 1. Не малина

— Вот ты где!

Мужской силуэт перегородил дорогу, и я мысленно застонала, узнав Роско.

А ведь все шло идеально! Я дождалась сплетенной ночи, когда все увлечены романтикой и любовью, выпила оборотное зелье, и тут он!

Роско подошел ближе, и я поправила капюшон. Увы, эликсир действовал ограниченно: я получила темные волосы и лицо Малин Руа, заучки с факультета травников, но и голос, и фигура остались моими. Остается надеяться, что в полутьме, под мостом, Роско ничего не заметит. И вообще, какие-то дела у него с Малин? Она — отличница и зазнайка, а он — балбес.

— Решила сбежать от меня?

Я затравленно обернулась. Сбежать? Туфли на каблуках, которые я надела, чтобы быть одного роста с Малин, этого не позволят. Роско в два счета догонит меня, на физподготовке он носится как олень.

— Привет, — прошептала я.

— Привет, — понизив голос, произнес Роско. — Малин, я тебя ждал.

Он оттеснил меня к каменной опоре моста и погладил кончиками пальцев по щеке.

Неужели они встречаются? Вот я попала! Если Роско поймет, что я не Малин, то у меня будут огромные неприятности. Хотя вряд ли у него хватит мозгов, чтобы уловить неладное.

— Прости, я задержалась, — выдавила я.

Он обнял меня за талию, привлекая к себе, и сильные ладони огладили мою спину, прижимая к крепкому торсу. Больше никаких сомнений — у них с Малин тайный роман. Что она в нем нашла?!

— Роско, ты иди, — торопливо прошептала я, — а я приду чуточку позже, чтобы никто не заметил.

Вообще странно, что они скрываются. Роско сол Вран — черенковый маг великого дома. Не наследник, а младший сын, но завидный жених. А Малин всего-навсего одаренка. Если уж у нее напрочь отсутствует вкус, так хватала бы Роско и вела под венец.

— Хорошо, — покладисто согласился он, — но сначала покажи, что все это не какая-то шутка.

— Показать? — тупо повторила я.

— Например, так, — пояснил он и, склонившись, поцеловал меня в губы.

Если бы кто-то сказал, что я, Эрика Трикс, буду целоваться под мостом с Роско сол Враном, я бы рассмеялась ему в лицо, а то и дала по шее. Роско — нахал, козел и придурок, но... Но как же хорошо он целуется...

— Такая нежная сегодня, — шепнул он и, обхватив мою шею ладонью, поцеловал снова.

От него пахло мятой, а губы оказались приятно теплыми и настойчивыми. Я уперлась ладонями ему в грудь, но он мягко подвинул мои запястья вверх, и вскоре я сама обнимала его за шею и целовала в ответ.

— Мне нравится твоё платье, — хрипло сказал Роско, когда его руки скользнули под плащ, который я набросила поверх белого наряда.

Я бы предпочла рубашку и брюки, но на сплетенную ночь все девушки одеваются как невесты и ищут истинную любовь. Отличный момент для того, чтобы пробраться в хранилище травников и украсть необходимое мне растение.

А губы Роско тем временем обожгли мою шею и вновь накрыли рот. Перед глазами вспыхивали искры, сердце гулко стучало, и я бы упала, если бы не опора моста и не сильные руки, которые гладили меня все смелее.

— Роско, — выдохнула я, когда его ладонь легла мне на грудь. — Не здесь.

Пусть шурует к своей Малин и тискается с ней. А я не подписывалась терять девственность под мостом. Хотя Роско очевидно знает, что делать.

Он послушно отстранился, но отчего-то нахмурил брови и всмотрелся в меня внимательнее.

— Ты не Малин, — пробормотал он, легонько сжав мою грудь.

Я облизнула горящие от поцелуя губы и глупо улыбнулась.

— В смысле?

— В прямом, — ответил Роско, и подушечкой пальца погладил твердую горошину, проступившую через ткань.

Вот скверна! Я и подумать не могла, что грудь — мое слабое место! У Малин она вроде поменьше, но тоже вполне... Прищурив глаза, Роско взгляделся в мое лицо, пропустил через пальцы прядь волос и понюхал.

— Кто ты? — спросил он.

Я молчала, не зная, что и сказать. Признаться — значит довериться Роско, но рисковать я не могла: строгий выговор мне ни к чему, и так уже два.

— О чем ты, милый, я Малин, — проворковала я и сбилась под внимательным взглядом.

— Да что ты говоришь, — пробормотал Роско и, поддев пальцем мой подбородок, поцеловал меня снова — неспешно, пробуя губы заново.

От медленного изучающего поцелуя земля под ногами вдруг поплыла. Я вцепилась в широкие плечи, а Роско подхватил меня, прижимая к себе.

Что-то происходило между нами, какая-то особая магия, которой в академии не учили. Отдаленный шум карнавала вдруг стих, а тьма вокруг нас рассеялась, будто звезды вспыхнули ярче. Роско оторвался от моих губ, и я словно увидела его впервые: густые темные брови, серьезные карие глаза, твердые скулы и губы, такие неожиданно чуткие.

— Имя, — требовательно выдохнул он и поцеловал меня так, что я выгнулась от жаркой волны, прокатившейся по моему телу.

Сейчас Роско ласкал меня по-другому, словно ставя невидимые глазу метки, ловя губами мое дыхание и тихие стоны.

— Кто ты? — повторил он, и горячие пальцы нежно погладили грудь.

По коже побежали мурашки от прохладного ветра. Когда только Роско успел расшнуровать декольте?

— Я все равно узнаю, — пригрозил он, и это окончательно привело меня в чувство.

Если личина спадет, то до конца обучения я стану мишенью для его тупых шуточек и острот.

Палочка сплелась в ладони, вспыхнула зеленой искоркой магии на конце.

— Окаменей, — сказала я, кольнув кончиком палочки ему в шею.

Карие глаза расширились, он судорожно вздохнул, да так и застыл, удерживая меня в объятиях. Прижавшись вплотную к неподвижному Роско и скользнув по его твердому телу, я протиснулась под рукой, прижимавшей меня к опоре. Быстренько зашнуровала платье и поправила плащ, натянув капюшон поглубже. Можно было бы надеть маску — на сплетенную ночь многие девушки прячут лицо, но у меня цель совершенно иная — мне надо, чтобы во мне признали Малин.

— Хорошего вечера, — чинно пожелала я Роско, замершему у каменной кладки, но он вдруг пошевелил пальцами, пытаясь ухватить край моего плаща, и я, взвизгнув, подхватила юбку и бросилась прочь так быстро, как позволяли мне каблуки.

Лучше поторопиться, пока заклинание действует.

Я выбежала из-под моста, свернула в сторону от главной дороги, ведущей на праздник, и поспешила к святыне травников.

— Малин! — удивился привратник, заведя меня. — Вот уж не думал, что ты и сегодня захочешь позаниматься. Иди, веселись. Или ты решила поцеловать меня этой ночью? Мало ли, сплетенная магия...

Он довольно засмеялся, пригладил усы, а я вежливо улыбнулась в ответ.

— Я ненадолго, — пообещала ему и прошла в хранилище.

Внутри я ориентировалась неплохо — подготовилась заранее. Но мимо сектора со скверными растениями я бы в любом случае не прошла. Оттуда тянуло тяжелым запахом, вроде скисшего молока, и белый туман плавал клочьями по коридору. На стеллажах стояли емкости, все подписанные и пронумерованные: ежица плотоядная, егоза шипоногая, клювик... Я взяла с полки пустые пузырьки и набрала семян про запас — пусть будет. Но того, что мне было нужно, я не нашла. Алая смерть, сердечник, самое ядовитое растение в мире, цветок, которого боится даже скверна, был выращен травниками в оранжерее. Малин писала по нему курсовую и получила отлично. Где же он?

Я перебрала все склянки и коробочки, а потом догадалась заглянуть в картотеку. Выдохнула с облегчением, обнаружив аккуратный и строгий архив. Нашла карточку в верхнем ящике, достала.

«Высокая степень опасности... Запрещен для распространения или продажи... Уничтожен.»

Руки задрожали, буквы расплылись перед глазами. Уничтожен?! Я нашла дату. Сегодня? Не может быть!

Запихнув карточку назад и захлопнув ящик, я кинулась в оранжерею. Здесь туман стал густым как кисель, а запах мигом пропитал всю одежду. Колючки рвали мой плащ, петли лиан дергали волосы. Я потерянно бродила между рядов растений, пока не увидела кадку, в которой плавали красные лодочки лепестков. Белый туман огибал их, словно боясь коснуться.

Я надела перчатки, собрала лепестки в приготовленную загодя коробочку и спрятала ее в карман плаща. А увидев свое отражение в черной глади воды, вздрогнула. Срок обратного зелья стремительно истекал: волосы светлели, черты менялись, я превращалась в саму себя.

Натянув капюшон чуть не до носа, я торопливо покинула хранилище, отвернувшись от усатого охранника. Пусть думает, что Малин спешит на свидание. Дорога вывела меня к главной площади, где танцы были в разгаре, и я увидела высокую фигуру Роско. Он будто высматривал кого-то. Неужели все еще ищет Малин?

От греха подальше я обошла танцплощадку и поспешила к выходу с территории академии.

Роско выругался и смял стакан с брусничным соком. Как найти эту девчонку, если он даже не знает, как она выглядит на самом деле? Она зачем-то приняла облик Малин, но была совершенно другой. А поцелуй с ней словно встряхнул мироздание, и Роско был точно уверен: она нужна ему, очень. Да, он не знал ни ее имени, ничего, но она ему необходима.

— Роско! — Гус появился рядом, пошатываясь и обнимая какую-то девку, будто не от избытка чувств, а чтобы окончательно не упасть.

Роско окинул быстрым взглядом его спутницу: на шее болтается сползшая маска, грудь едва выпирает под платьем — не та.

— Я думал, ты занят сегодня, — сказал друг. — Хвастался, что у тебя тайное свидание с какой-то недотрогой. Она что, тебе не дала?

Роско поморщился и неопределенно качнул головой. Да, у него планировалось свидание с Малин, и она намекала, что на этот раз не прочь дойти до конца, но ему уже не хотелось.

— Да ты счастливчик, — завистливо вздохнула девчонка, на которую опирался друг. — Такая удача — найти истинную любовь.

— Ты о чем? — не понял Роско, выбросив смятый стакан и взяв другой.

— Ну как же, — улыбнулась девушка, сверкнув щербиной между зубами. — У тебя на запястье метка. Сплетенный знак. Разве нет?

Роско машинально повернул руку, пролив брусничный сок на брусчатку и заляпав Гусу штаны.

— Э, друг, ты чего?..

На запястье правой руки и правда появился знак — зеленый листик и пара тоненьких завитков.

— Хватай ее и тащи в храм, — посоветовала девушка. — Вы созданы друг для друга.

— Жениться? — с ужасом ахнул Гус. — Роско, не надо!

— Это будет благословенный союз! — возмутилась щербатая, повернувшись к нему. — Ты что, не веришь в истинную любовь?

— Верю, — тут же согласился Гус. — Давай-ка пойдем в укромное местечко — вдруг и у нас с тобой что-то получится...

— Стоять, — скомандовал Роско, схватив девушку за плечо. — Что еще ты об этом знаешь?

Она пожала плечами, стряхнув его руку, и одарила Гуса благосклонной улыбкой.

— Да это все, в общем-то, — нехотя сказала она. — Вроде обещания от богов, что с ней ты будешь счастлив. Что там еще — сильный дом, здоровые дети... Так кто она?

— Если б я знал, — с тоской вздохнул Роско.

— Стой, это как? — заинтересовался Гус. — Ты даже не узнал ее имя?

— Хуже того, я без понятия, как она выглядит, — ответил Роско, обводя взглядом толпу. — Дама была под оборотным зельем. Выглядела как... другая дама.

— Так, может, это она и была.

Роско качнул головой.

— Запах, вкус поцелуя, грудь, — перечислил он.

— Что-то ты все-таки знаешь, — осклабился друг и деловито уточнил: — Хорошие сиськи?

Лучшие в мире. Как раз по его ладони. И все остальное как раз. А потом она заколдовала его и удрала, и он даже не мог повернуть голову, чтобы посмотреть ей вслед. Но у нее была палочка, значит она — черенковая магичка. И он знает ее рост. Роско задумчиво приложил ладонь к бровям. Примерно до сюда. Но когда она убегала, он слышал цокот ее каблучков, так что это не точно.

— А зачем она притворялась кем-то другим? — спросила подруга Гуса.

— Хороший вопрос, — одобрил Роско.

Он выбросил второй стакан и быстро пошел к женскому общежитию. Незнакомка наколдовала лицо Малин. Может, узнала, что у нее свидание с Роско и захотела ее подменить? Но тогда она бы не удрала из его объятий, когда мир стал прекраснее, и все обрело смысл.

Роско вновь оказался под тем самым мостом, зажег светляка — вдруг девушка что-нибудь обронила. Например, студенческий билет с ее именем или ключ с брелоком и номером комнаты.

Каменная опора, у которой они целовались, покрылась мелкими розовыми цветочками, которые одуряюще пахли утраченным счастьем. Роско пошарил в траве, но кроме пары окурков ничего не нашел.

Он сбегал в общежитие, но и Малин куда-то пропала. Комендант сказал, за ней приехал жених. Корневой маг. Забрал ее вместе с вещами.

Мысленно пожелав им удачи, Роско направился в храм.

— Да, это оно, — кивнул храмовник, едва взглянув на запястье. — Только вам надо завершить ритуал. Ведите скорей вашу суженую.

— А если нет? — спросил Роско. — Если не приведу?

Храмовник растерянно поморгал.

— Тогда вы, молодой человек, добровольно откажетесь от своей второй половинки...

Развернувшись, Роско пошел прочь, едва не рыча от злости. Да что за ерунда?! Он и так вполне счастлив! Он — Роско сол Вран, один из лучших скверноборцев академии и сын великого дома. Ему не нужна никакая половинка, потому что он сам по себе целый.

Ноги вновь привели его под роковой мост, и Роско остановился у цветущей опоры. Прикрыл глаза, вспоминая все, что произошло.

Тихий голос, шелк волос, запах. Она волновалась, та девушка, но пыталась держаться уверенно. Горячие мягкие губы, нежная кожа... Она подыграла ему, притворяясь Малин, чтобы не вызвать подозрений, но поцелуй и то, что вспыхнуло между ними, было самым что ни на есть настоящим. Тихий стон, упругая грудь в ладони... Зачем притворяться Малин? Та не особенно популярна в академии, у нее репутация надменной заучки. Стоп. Вдруг дело в этом? Малин стала лучшей выпускницей на факультете травников. А что это дает? Свободный доступ в хранилище, до которого отсюда рукой подать!

Роско бросился к зданию со стеклянным куполом оранжереи, и усатый охранник подтвердил его догадки. Да, Малин приходила. Но быстро ушла. Что еще? На обратном пути от нее пахло скверной — явно заходила в оранжерею. А что ей там было нужно? Да кто ж ее знает. Может, полить какой редкий цветок. А внутрь нельзя. Не положено. Там есть опасные растения, все под учет.

На пальцах охранника замерцали искры магии, и Роско отступил. Он бы победил этого усача, да толку? Незнакомка вошла в хранилище, взяла какую-то нужную травку и исчезла. Может, отправилась варить новое оборотное зелье.

Спрятав руки в карманы, Роско поплелся прочь, изнывая от странной тоски. Все равно что выловить самую крупную рыбину в жизни, а в последний момент увидеть всплеск воды и тень, уходящую в глубину.

Но если у него появился знак сплетенной любви, то и у нее должен зазеленеть этот листик. Приободрившись, Роско пошел быстрее. Значит, ему надо осмотреть запястья грудастых студентов, а скорее всего девушка сама к нему придет. Не дура же она — отказываться от своего счастья.

Поднимаясь по ступеням общежития, Роско даже начал насвистывать веселую мелодию, представляя, как это случится. Она медленно подойдет к нему, нежная красотка с обалденной фигурой. Смущаясь, протянет руку с изящным листиком на запястье. Роско притянет ее к себе и немедленно поцелует — властно, глубоко, жарко. Так, чтобы поняла — больше ей не удрать.

А обман с оборотным зельем он ей уже простил — никогда не знаешь, какими дорогами ходит судьба.

Дом встретил меня запахом сдобы и надсадным кашлем отца. Он выглянул из кухни и вытаращил глаза от удивления.

— Эрика?

Я провела ладонью по лицу, расчесала пальцами светлые пряди — вроде оборот давно закончился.

— А кто ж еще? — буркнула я.

— Ты в платье! — изумленно воскликнул папа.

Закатив глаза, я скинула ненавистные туфли, сразу став на полголовы ниже, и прошлепала босиком по теплому полу. На кухне нашла початый пирог, а папа налил мне молока.

— У тебя что, было свидание? — строго спросил он.

— Неа, — промычала я.

— Я, по-твоему, совсем из ума выжил? — нахмурился папа. — Скверна меня еще не совсем доконала, и я отлично понимаю, что происходит. Сплетенная ночь! Ты отправилась обжиматься с этими прыщавыми юнцами из академии в надежде встретить любовь!

Вообще-то у Роско прыщей не было. И даже щетина почти не кололась. Видно, побрился перед свиданием.

— С юнцами? — переспросила я. — Так-то ты думаешь о родной дочери? Полагаешь, их было много?

— Значит, кто-то один? Как его зовут? Имя!

— Слушай, я уже взрослая, и как-нибудь сама решу, чем заниматься в сплетенную ночь, — отрезала я.

Отец набрал в грудь воздуха, чтобы разразиться очередной тирадой, но закашлялся и, схватившись за край стола, сложился пополам от приступа.

Я метнулась к нему, поддержала за плечо. Под клетчатой теплой рубашкой прощупывались кости, волосы совсем побелели, а ведь ему всего сорок — самый расцвет. Но скверна точила отца изнутри, сжирая некогда сильное тело, и доктора говорили одно: безнадежно, максимум год, готовьтесь к худшему. Под кожей проступали выпуклые жгуты скверны, и один заползал на шею. Совсем скоро болезнь его задушит. Если только я не найду лекарство.

Кашель унялся, отец вытер салфеткой рот, смял ее и бросил в мусорное ведро, но я заметила черные пятна на белой бумаге.

— Приведи его завтра к нам, — хрипло сказал отец. — Я хочу познакомиться. Хочу убедиться, что он не какой-то болван, вскруживший голову моей наивной девочке.

— Поверь, папа, я вполне здраво мыслю, — заверила я. — Если вдруг появится достойный мужчина, я обязательно вас познакомлю.

— А для кого тогда это платье? — возмутился он. — Ты бы еще голой пошла. У тебя... эм... формы!

— Да, у меня есть грудь! — рассердилась я. — Уж прости. Я не виновата, что не родилась мальчиком.

— Тогда мне было бы куда спокойнее, — ворчливо признал отец. — Ладно, не сердись. Просто непривычно видеть тебя такой.

— Не переживай, — ответила я. — Больше этого не повторится.

Он хмыкнул, хотел что-то добавить, но в итоге махнул рукой и ушел, волоча ноги. Я доела пирог, не чувствуя вкуса, выпила молоко и тоже пошла в свою комнату.

Паршивый вечер. Если бы все удалось, я бы уже готовила эликсир, способный исцелить отца от недуга, но все, что я получила, — это пару лепестков и поцелуй Роско.

Вытряхнув коробочку на стол, я села на край кровати и обхватила голову руками.

Что же делать?

За стенкой заворочался папа, тихо застонал. Прежде такой сильный и крепкий, Эдвин Трикс, гроза скверны и капитан дозора, медленно умирал. Я не могла с этим смириться и, поступив в академию, выбрала факультет целительства. Я даже нашла рецепт — самое ядовитое растение может стать лекарством, если правильно его приготовить. Но алую смерть не купишь в аптеке, она растет в скверне, за вторым кругом, и так просто ее не сорвешь...

Я подняла голову, глядя на алые лепестки.

Все просто — раз у меня не получилось добыть цветок из оранжереи, я найду его в скверне. Я еще успеваю записаться на практику в сторожевой пост.

Сняв провонявшее белым туманом платье, я пошла в ванную и хорошенько отмылась в горячей воде. Вытираясь полотенцем, заметила неладное — какое-то пятнышко под грудью, вроде рисунка. Лист и парочка завитков. Я потерла его, посплюнявила пальцем — зеленый листик словно въелся под кожу.

О, нет! Это, наверное, охранная метка из хранилища травников! Я попала в него незаконно, вот и получила клеймо. Но хоть тут повезло: после того, как я проникла в закрытый архив в поисках информации об алой смерти, метка вылезла прямо на лбу — здоровая черная звезда, которая привела меня напрямик в кабинет ректора и послужила причиной первого выговора и дурацких издевок.

Я угрюмо посмотрела на свое отражение. Да и плевать! Со временем рассосется. Звезда сходила месяца три, но листик совсем маленький, вряд ли продержится дольше пары недель. Никто ничего не узнает.

Глава 2. Пора собираться

Ночью ему не спалось, Роско все думал, кто же эта загадочная незнакомка, и сейчас, сидя перед зданием академии, перебирал проходящих мимо студенток. Сэнди? Кристина? Сюзанна?

— Может, Амелия? — предположил Гус.

Друг проникся его проблемой и сидел на бордюре рядом, помогая вычислить суженую.

— Амелия ниже талии пышновата, — ответил Роско.

А у его сплетенной судьбы, насколько он успел пощупать ее под мостом, аккуратная упругая попка. Хорошо, что зелье меняет только лицо и волосы, иначе зацепок было бы меньше.

— А Зелинда? — спросил Гус, цыкнув зубом. — Ух, хороша...

— Она одаренка, — напомнил Роско. — А моя — черенковая. Знаешь, есть еще кое-что. Мне кажется, я не целовал ее раньше. Было ощущение чего-то совершенно нового.

Неясное сладкое чувство вновь затрепетало в груди. Все жизненные повороты вели туда, под мост, там произошло нечто исключительно важное!

— Это мощно сокращает круг подозреваемый, — пробормотал Гус и толкнул его локтем в бок. — А вон, гляди, Маргарет с бытовушки. Шикарная... И смотрит на тебя так плотно.

Роско неуверенно улыбнулся в ответ. Да, девчонка что надо. И с ней он еще не мутил. Каштановые волосы, сочные формы, и улыбается многозначительно.

Перед его носом появился лист бумаги, и Роско раздраженно попытался от него отмахнуться, но светленькая девчонка встала напротив, заслоняя обзор на его будущую жену.

— Чего тебе? — раздраженно спросил он, наклонившись вбок и послав Маргарет оболстительную улыбку.

— Это что такое? — сердито спросила девчонка, тыча пальцем в бумагу.

Он с трудом сфокусировался на написанном: Эрика Трикс, целитель, практика во втором круге, отряд Роско сол Врана.

— И? — не понял он. — Кто такая Эрика Трикс?

— Да я это! — выпалила она, потрясая бумажкой. — Хочешь сказать, не знал мое имя?

— Вообще без понятия, — подтвердил Роско, склонившись в другую сторону и вновь поймав взгляд Маргарет. — Распределение студентов происходит на кафедрах. Какие претензии, я не пойму?

— То есть, это просто случайность, — не поверила она, сузив глаза.

— Повезло тебе, — гоготнул Гус. — Ходишь под счастливой звездой.

Роско не смог сдержать смехок, хотя прикол уже устарел. В прошлом году эта Эрика за какой-то холерой влезла в секретный архив академии и заработала себе огромную черную звезду на лоб — метку для нарушителей. Другая на ее месте пыталась бы скрыть звезду, чем-то замазать, обстригла бы челочку, что ли... А эта так и ходила со звездой во лбу, зачесав волосы в косу, как будто ей вообще все равно.

— Иди собирайся, звезда, — бросил Роско. — Возьми удобную обувь, теплые вещи, только немного, часть пути придется идти пешком.

— Шапку возьми, — подхватил Гус. — А то вдруг звезда опять загорится.

— А тебе шапка без надобности, — брякнула она в ответ. — Все равно на башку отможенный.

— Вот ты меня и полечишь, — ухмыльнулся Гус. — Нежным массажем всего тела с упором на энергетические точки нижней половины.

— Клизмой я тебя полечу, придунок, — пригрозила она. — От всех болезней!

— Так, отвалили оба! — рывкнул Роско и, поднявшись, пошел навстречу Маргарет, которая тоже направлялась к нему.

Но сердце отчего-то молчало, и вся эта сцена отдавала фальшью. Его незнакомка не виляла бедрами так нарочито.

— Привет, — протянула Маргарет, игриво взмахнув ресницами, и он как-то сразу понял — не та. Но все же ответил:

— Привет.

— Завтра ты уезжаешь, — острые ноготки царапнули его рубашку, и Маргарет жалостливо вздохнула. — Я буду скучать.

— Правда? — спросил Роско, поймав ее руку и повернув.

Запястье чистое, ни листика, ни цветочка. А вот еще одна зацепка — у его суженой не было таких длинных ногтей. Когда она обнимала его за шею, он чувствовал мягкое прикосновение пальцев.

— Может, встретимся вечером? — предложила Маргарет, и Роско мотнул головой.

— Нет, — отказался он. — Я буду занят.

Оставив ее в недоумении, вернулся к Гусу.

— Может, еще не поздно поменять целителя? — попросил тот, глядя вслед звезде. — Этот меня доконает.

— Да не трусь, — сказал Роско. — Вряд ли нам вообще понадобится ее помощь. Но если ее взяли на пост, значит, учится она хорошо.

— Чем ей еще заниматься, как не зубрить? — сердито фыркнул Гус. — Мышь серая!

Эрика Трикс удалялась быстрой сердитой походкой, и длинная светлая коса прыгала по узкой спине. Мышь, не мышь, а задница ничего — машинально отметил Роско. На этом сходство с его ночной феей заканчивалось: та была воплощением женственности, а эта — пацанка. За все время обучения он не видел ее в юбке ни разу. А ведь у целительниц такая соблазнительная форма — жилет в обтяжку, на юбке разрез...

— А что Маргарет? — вспомнил Гус.

— Не та, — вздохнул Роско.

— Я пойду, наверное, — неуверенно сказал друг. — И правда пора собираться.

— Иди, — кивнул Роско. — А я еще подожду. Должна же она объявиться?

Он торчал перед главным входом академии до позднего вечера, но девушка так и не пришла. Отчаявшись, Роско вновь зашел в храм и, сбивчиво рассказав свою историю, попросил совета.

— Слушай сердце, — сказал храмовник. — Доверься судьбе. Она свела вас один раз, сведет и во второй.

Роско этот ответ не устроил — он привык брать все в свои руки. Выйдя из храма, запрокинул лицо к насмешливо подмигивающим звездам. Это что, какая-то шутка богов? Издевка? Он и не думал связывать с кем-то судьбу, а теперь ему дали невесту и сразу же отобрали. Какой в этом смысл?

Когда я увидела свое имя в отряде Роско, то решила, что он меня вычислил, и теперь всю практику будет надо мной измываться. Но все оказалось еще хуже — этот болван даже бровью не повел в мою сторону, разглядывая бытовичек в укороченных не по форме юбках.

Он даже не помнил мое имя!

И вроде бы это был идеальный расклад, но я отчего-то хмурилась и все хлопала дверками шкафа, собирая вещи для практики. Там, под мостом, мне показалось, что между нами происходит нечто особенное. Роско посмотрел мне в глаза и будто увидел самую душу. И целовался так упоительно... Впрочем, возможно, он всех так целует.

— Возьми шерстяные носки, — посоветовал папа. — Вот эти, я вплеl в них руны-непромокайки.

— Ага, — буркнула я.

— И еще мой рюкзак, в нем удобные лямки, а в дно вшит левитатор.

— Твоему рюкзаку лет сто, — засомневалась я.

— И еще сто прослужит, — отрезал отец. — Ты мне еще спасибо скажешь. Эти посты расположены на границе второго и третьего круга. Башня новая, значит, к ней не проложен тракт. Вот еще — ботинки должны быть удобными, это самое главное. Вчерашние туфли на каблуках можешь выбросить сразу.

— Не думаешь же ты, что я попрусь на каблуках в скверный дозор?

— Это не дозор, — буркнул папа. — А то бы я тебя не пустил. Что, не было другого варианта для практики? Ты же целитель! Выбрала бы акушерство или приют для бродячих собак...

— Все нормально будет, — заверила я. — Не волнуйся.

— А кто командир твоего отряда?

— Роско сол Вран.

Я прикусила язык, чтобы не добавить нелестных эпитетов. Пусть папа думает, что все под контролем.

— Враны — хороший дом, сильный, — покивал он. — Эх, ты ведь тоже могла бы быть солой...

Обычно мы избегали этой темы, но в последнее время папа стал сентиментальным. Однажды он попытался вырастить собственный дом, и у него почти получилось. Черенок приглянулся, взошел, и какое-то время мы там жили вдвоем: папа, мама и я. Увы, я почти не помню те годы, остались смутные обрывки воспоминаний: запах сосен, мамины светлые волосы. Потом она ушла и оставила нас, а дом погиб.

Папа не любил вспоминать о ней, но я вытянула информацию у его сослуживцев. Мама мечтала о красивой жизни хозяйки башни, но дом по какой-то причине не спешил одарять ее магией.

Когда дом засох, отец стал пустым — так называют черенковых магов, потративших свою силу. А потом скверна просочилась в него и пустила свои черные корни. Но иногда я думала, что заболел он еще тогда, когда любимая женщина его предала. Это мать нанесла рану, от которой отец так и не оправился.

Из трех алых лепестков сердечника я сделала целебный отвар, и папа покорно его выпил. Из моих рук он бы и копченого ежа съел.

— Чесночком отдает, — прохрипел отец, вытерев выступившие слезы. — Поможет?

— Должно полегчать, — ответила я, забрав у него пустую чашку.

Ненадолго. Три лепестка не смогут остановить болезнь. Максимум — дадут еще чуть-чуть времени. Но как раз это мне и надо. А на практике я костями лягу, но добуду алую смерть.

Роско снова не выспался: он прохватывался посреди ночи от каждого шороха в надежде, что незнакомка придет прямо к нему. Но девушка так и не объявилась.

— Я тебе что говорил? — рявкнул он на Эрику Трикс, явившуюся на построение одной из последних. — Брать самое необходимое!

— Уж поверь, я взяла все только самое нужное, — огрызнулась она, поправляя лямки огромного рюкзака. Сшитый из плотной пятнистой рогожи, он напоминал огромный валун, поросший то ли плесенью, то ли мхом.

— Да тебя перевесит вот-вот! — в отчаянии воскликнул Роско, взмахнув рукой и обводя Эрику вместе с ее заплечным мешком.

— Слушай, не твое это дело, — нахально заявила она, сдув светлую прядку, упавшую на глаза.

— Как раз-таки мое! Когда увязнешь по пути на сторожевой пост, именно мне придется решать, что с тобой делать. Имей в виду — я твое барахло не поташу.

— Я бы тебе его и не доверила, — совсем уж оскорбительно фыркнула Эрика, и Роско, сдерживая ругательства, закатил глаза к небу.

Рыхлые тучи спрятали солнце, и настроение было таким же безрадостным, как эта серая хмарь. По-хорошему, ему бы остаться и поискать свою сплетенную даму, но вместо этого он едет на практику, которая еще даже не началась, а ему понятно — легко не будет.

— Я тебя предупредил, — процедил он и отошел от Эрики, придирчиво разглядывая остальных членов отряда.

В основном тут были парни с боевки, которых он отлично знал. Все рослые, крепкие, с уровнем магии не ниже второго. Гус переминался с ноги на ногу, а выгоревшие до белизны лохмы торчали из-под полосатой вязаной шапки.

— Не нашел? — коротко спросил друг, и Роско мотнул головой.

А после его взгляд переместился на девчонок-бытовичек, которые отправлялись с их командой на пост. Обе довольно высокие, фигуристые такие... А что, если его мечта совсем рядом? Вдруг незнакомка записалась в его отряд? Это было бы очень логично — побыть рядом, узнать друг друга получше, а уж потом все остальное.

— Дамы, — Роско подошел к девушкам, поглядывая то на одну, то на другую. Темненькая и рыженькая, но обе весьма хороши. — Позвольте помочь с багажом.

Он забрал у них сумки — кожаные, блестящие, с модными нашивками академии, и положил в багажный отсек экипажа. Подал руку, помогая забраться внутрь.

— Спасибо, Роско, — поблагодарила темненькая. — Я рада, что попала именно в твой отряд.

— Ты такой галантный, — подхватила рыженькая. — Уверена, практика будет что надо. И подмигнула.

Роско все еще держал ее руку в своей и, склонившись, коснулся ее губами. Раз уж назвали галантным, так надо оправдать это лестное мнение. А заодно проверить запястье — увы, снова чистое.

А вдруг у его невесты знак вовсе не появился? Или выскочил где-нибудь в другом месте?

Оставив бытовичек, он подошел к звезде, которая пыхтела и прыгала, пытаясь забросить рюкзак на верх экипажа.

— Помочь?

— Обойдусь, — буркнула она, но Роско все же подтолкнул рюкзак и зафиксировал его ремнями.

— Слушай, Эрика, — начал он. — Есть один щепетильный вопрос, и сдастся, он по твоей части...

Она насупилась и посмотрела на него исподлобья.

— Допустим, два человека сделали кое-что такое, чего не планировали, — вздохнул Роско.

— Сделали и сделали, — пробормотала она. — Отпусти и забудь, все совершают ошибки...

— Нет никакой ошибки, ты дослушай, — раздраженно попросил он. — Потом у них появились особые метки.

Эрика внимательно уставилась на него, поморгала.

— А почему это по моей части? — спросила она.

— Потому что ты должна была узнать все о знаках на теле после звезды на лбу, — пояснил Роско. — Как думаешь, эти метки могут активироваться где угодно или в каком-то определенном месте?

— А что эти два человека сделали? — уточнила Эрика, прищурившись.

— Не важно.

— Очень важно, — возразила она. — Например, звезда — проклятие ректора — активируется строго на лбу для всех нарушителей защитного контура архива.

— А зачем ты полезла в архив? — встрял Гус, подойдя к ним.

Эрика даже не удостоила его взглядом.

— Но могут быть варианты, — продолжила она. — Допустим, после танца житницы на теле часто появляется рисунок в виде цветка, и он может быть где угодно. И исчезнуть он тоже может в разное время в зависимости от уровня травницы.

— Погоди, то есть метка может пропасть? — заволновался Роско.

— К счастью, да, — усмехнулась Эрика, инстинктивно прикоснувшись к гладкому лбу. — Есть знаки, что остаются навсегда, но это только после высших ритуалов.

А у него как раз такой случай. Но ритуал не завершен. Вдруг метка исчезнет, и он никогда не найдет свою суженую?

— Что-то ты побледнел, — заботливо сказала Эрика. — Кстати, дай мне данные по членам отряда, мне надо знать о состоянии здоровья каждого.

— На пост больных не отправляют, — сказал Гус. — Ну что, едем?

— Занимайте места, — скомандовал Роско.

Проследив, чтобы все уселись, он активировал самоходные руны и запрыгнул на подножку, оглядывая гусеницу экипажей, поползшую ко второму кругу. Все безошибочно встали на нужный маршрут, колеса загрохотали по брусчатке. Остается надеяться, что его девушка тоже едет в одной из самоходных карет. Теменькая или рыженькая?..

— И ты здесь? — удивился Роско, сев внутрь и заметив Эрику, перебирающую личные дела членов отряда.

— Не думай, что я тут ради твоего общества, — пробормотала она. — Вот, у Габриэллы аллергия на орехи! Я должна была это знать! В составе многих лекарственных средств, даже от банальной простуды, есть ореховая скорлупа, и...

— Габриэлла — это какая? — перебил Роско. — Теменькая или рыженькая?

— Брюнетка. Кареглазая, смуглая, чур моя, — застолбил Гус. — Если только она не...

Он осекся, виновато глянув на Роско.

— Если только она не способна критически мыслить? — уточнила Эрика. — Тогда тебе точно ничего не светит. Хотя в детстве она переболела менингитом, а это иногда дает последствия в виде когнитивных нарушений.

— Болела? — переспросил Роско. — Магичка?

— Она одаренка. Получила магию от дома сол Дан три года назад. Четвертый уровень.

— Забирай, — разрешил Роско, склонившись к Гусу.

Ее можно вычеркивать, потому что таинственная незнакомка — черенковая магичка. Хотя бы это он знает точно.

Эрика укоризненно посмотрела поверх папки.

— Вы серьезно? — спросила она. — Вы прямо сейчас делите девушек как какие-нибудь пирожные на тарелке?

— Ничего личного, звезда, ты не в моем вкусе, — осклабился Гус.

— Об меня все зубы пообломаешь, — пообещала она, открывая другое досье. — О, смотрю, ты тоже в детстве чем только не болел...

— Дай сюда, — потребовал Гус, потянувшись к папкам.

— Эй! — воскликнула она, вжимаясь в сиденье и прижимая папку к груди. — Роско, скажи ему! Он мешает мне работать!

— Гус, в самом деле, уймись, — устало попросил Роско. — Она целитель и должна знать про всякие там ореховые аллергии.

— У меня нет аллергий!

— Зато наверняка есть пара проплешин под этой уродливой шапкой, — сочувствующим тоном произнесла Эрика, вновь открывая его папку. — Стригущий лишай оставляет следы...

Гус надулся и отвернулся к окну, и Роско тоже посмотрел на проплывающие мимо деревья. Тучи набрякли, мелкий дождь застучал по крыше, прямо как дробь каблучков убегающей незнакомки. Роско потрогал подушечкой пальца листик, уместившийся на запястье. Итак, теоретически метка могла выскочить где угодно, и самое плохое — раз ритуал не завершен, она может пропасть.

— А рыжая черенковая? — спросил он.

— Да, — подтвердила Эрика. — Ее, к слову, зовут Джинджер. Можно использовать имена, а не различать девушек по масти, как лошадей. А что? У тебя какие-то предубеждения против одаренок?

— Никаких, — заверил Роско. — Мне вообще плевать, какой там у тебя уровень. Главное — выполняй команды и не лезь, куда не просят.

Эрика вскинула на него быстрый взгляд, но, к счастью, не стала спорить, вновь углубившись в изучение данных о членах отряда.

Джинджер... Роско мысленно повторил ее имя — словно пчелка жужжит над цветком. Но почему она не призналась, не подошла? Может, дама жаждет быть завоеванной по всем правилам любовной игры?

— Значит, тебе Джинджер, мне Габриэлла, — тихо подытожил Гус.

— Тебе пластырь от храпа, — ответила Эрика, не отрываясь от папки. — Я могу выправить твою носовую перегородку, если хочешь. Больно, зато бесплатно. Мне как раз нужно набить руку.

— Можно пересадить ее в другой экипаж? — попросил Гус.

— Скоро приедем, — пообещал Роско.

А потом его укачало, и он даже заснул — спокойно и крепко, а не как в прошлые ночи. И снилось ему хорошее: рассвет, берег реки, ивы, купающие в воде свои ветви, скользящие над туманом птицы... Он даже не сразу понял, что видит уже не сон, а глаза Эрики. Надо же, а красивые: серо-синие, как та река.

— Приехали, — сказала она, отпустив его плечо и переступив через ноги. — Слюни вытри.

Спохватившись, Роско провел по лицу ладонью, поморгал, прогоняя остатки сна, и вышел из экипажа.

Парни уже разбирали вещи, Эрика натягивала лямки рюкзака, бытовички неловко топтались возле своих сумок. Впереди простиралась скверная пустошь, подернутая туманом, а через нее пролегла пунктиром тропинка с красными вешками.

— Все готовы? — спросил Роско, закинув рюкзак на плечи и подхватив сумку Джинджер. — Вперед.

Глава 3. Пост

Башня кривилась влево и напоминала старый червивый гриб. Но окна на первом этаже горели теплым золотым светом, и я невольно прибавила шаг — хотелось добраться быстрее. Хотя рюкзак на плечах едва ощущался, а ботинки легко несли меня по грязи, как будто папа и на них вlepил левитатор.

— Наконец-то...

— Далеко забрались!

— Ну и убожество.

Последнюю фразу недовольным и презрительным тоном произнесла Джинджер. За время маршброска по второму кругу она изрядно достала меня нытьем, так что я невольно обернулась на Роско — не знает, бедняга, на что подписался. Он шел замыкающим. По идее, как капитан отряда следил за тем, чтобы никто не отстал, но я видела, как его перекособочило от чужой сумки. Что, интересно Джинджер туда напихала?

— И вот здесь мы должны торчать аж три недели? — продолжила она стенать.

— Тебя же не насильно сюда отправили, — напомнила Габриэлла.

Она казалась куда разумнее подруги, и я бы поставила на то, что белобрысому не перепадет.

— Я думала, будет как-то повеселее, — наморщила нос Джинджер. — А тут одна грязь.

Второй круг скверны, так уж наш мир устроен. В первом круге ее присутствие почти не ощущалось, а здесь все словно подернуто дымкой. Сизое небо, серая пустошь, алые метки отмечали дорогу, как след раненого животного. Но меня переполняла болезненно острая надежда — я должна найти сердечник и вылечить папу. Всего три недели — ни минуты не должно пройти даром!

Мы добрались до сторожевого поста, и отряд радостно загудел, осматривая место будущей практики. Каменная стена в человеческий рост огораживала пяточок земли, и внутри лепились хозяйственные постройки: кузница с оружейной, баня, кухня, над которой вился уютный дымок, колодец под козырьком с защитными рунами.

Я сделала мысленную пометку — проверить активность рун: проще всего подхватить заразу через грязную воду. А я, помимо основной задачи, не должна забывать о доверенных мне людях. Хотя папки с личными делами студентов были неприлично тонкими. У Роско в графе перенесенных болезней так вообще стоял прочерк. Сын великого дома, пусть и младший, был физически безупречен. Именно этим я объясняла свой нездоровый к нему интерес. Могла ведь и позже все почитать — нет, полезла к нему в карету. А когда он уснул, тайком разглядела и тень от изогнутых темных ресниц, и четко очерченный изгиб губ, и длинные пальцы...

— Слушай, звезда, а у тебя есть что-нибудь от мозолей? — спросил он из-за плеча, и я вздрогнула от неожиданности.

А Роско протянул расправленную ладонь, на которой вздулись красные волдыри.

— Любовь требует жертв? — злорадно ляпнула я.

— Ладно, без тебя обойдусь, — нахмурился он, но я придержала его за локоть.

Дурак или нет, а я несу за него ответственность.

— Найди меня после размещения, — сказала ему, и Роско хмуро кивнул.

А я, повернувшись к башне, вдруг осознала, что это засохшее великое дерево. Уже потом к нему пристроили верхние этажи, прилепили уродливое крыло столовой. Это отчего-то коробило: все равно как приспособить тело павшего воина для хозяйственных нужд.

Я поднялась по ступенькам и положила руку на шершавую кору, подняла голову, пытаюсь рассмотреть знак над входом. Отец говорил, наш дом тоже рос на границе второго круга. Вдруг это он?

— Что застыла, звезда? — спросил Гус. — Проходи, не стесняйся, почувствуй себя как дома.

Впрочем, таких мертвых башен во втором круге рассыпаны сотни. Черенковые маги пытаются вырастить собственный дом, пустить корни, стать солами — солью земли, но получается это у единиц. Вот и мой отец потерпел неудачу.

— Проходите, студентки, — донеслось изнутри. — Парни налево, девушки, если такие есть, направо. Оставляйте в комнатах вещи и спускайтесь вниз, ужин готов.

Крепкий дед в нарядной белой рубашке в синий горошек и изрядно потертых штанах встречал каждого рукопожатием, и вскоре моя ладонь оказалась в широкой обветренной лапе.

— Михаль Крас, — представился он. — Здешний смотритель. Наверде хозяина сторожевого поста.

У Михалья Краса был высокий, перечерченный морщинами лоб, над ним, посреди глубоких залысин, торчал седой островок волос, глаза светло-карие, почти желтые, смотрели внимательно, а зубы росли кривь и вкось. Последнее я отметила машинально — недавно мы проходили зубные руны и теоретически я могла бы подровнять его частокोल.

— Эрика Трикс, — ответила я.

— Трикс? — повторил он, и лоб собрался в глубокую складку. — А не дочь ли ты Эдвина Трикса?

— Так точно.

— Вот это удача! — обрадовался он и с силой затряс мою руку, едва не выдергивая ее из плеча. — Как поживает мой старый приятель?

— Потихоньку, — сказала я, неловко высвобождая пальцы.

— Мы не виделись лет пятнадцать! — не унимался мужик. — Я ведь помню тебя малюткой! А теперь ты такая большая!

— Не особо она и подросла, — пробурчал Роско, протягивая ему документы и отодвинув меня плечом. — Эрика, не задерживай остальных.

— Еще увидимся, Эрика! — воскликнул Михаль Крас, радостно помахав мне листом бумаги с печатью академии. — Иди в конец коридора, там помещения лучше.

Комната, которую я выбрала, была даже милой: цветастый ковер на полу, вместительный шкаф, кровать по-армейски узкая, но я не привыкла к роскоши. Бросив вещи, я пошла знакомиться с башней и вскоре нашла небольшой закуток на первом этаже, который явно использовали как лекарню. Провела быструю ревизию, проверив наличие амулетов и ингредиентов для зелий, и похвалила себя за то, что взяла необходимый запас.

Роско нашел меня там же и молча протянул ладонь. Пузыри волдырей лопнули и сочились сукровицей. Но мое внимание привлекли не они, а крохотный зеленый листик на его запястье. Прямо как тот, что прятался у меня под грудью.

Роско что, тоже спер какую-нибудь траву? Я едва успела прикусить язык, чтобы не выпалить этот вопрос, но папа учил — сперва разведай обстановку, а потом уже действуй.

Странное совпадение. Роско не похож на ботаника и зельевара. Неужели он сумел выстроить логическую цепочку: обратное зелье — Малин — травница — оранжерея? Тогда знак появился потому, что Роско забрался в хранилище, пытаясь найти незнакомку, обманувшую его сплетенной ночью, то бишь меня.

— Ты про эту метку спрашивал? — равнодушным тоном поинтересовалась я, и Роско, спохватившись, обтянул рукав, пряча листик. — Тоже влез, куда не звали?

— Нет, — коротко бросил он.

В смысле — нет? Как раз-таки да: метка появилась после того, как я под личиной Малин проникла в оранжерею, куда у меня не было доступа.

— То есть это не охранная метка? — с нажимом произнесла я.

— Подумай сама, звезда, — снисходительно предложил Роско. — Разве появилась бы охранная метка на запястье, где ее так легко спрятать браслетом, часами или хоть рукавом?

Фыркнув, я щедро плеснула обеззараживающее зелье на ватку и промочила раны на его ладони. К чести Роско, он только слегка дернулся, но стоически перенес процедуру, хотя настойка щипала знатно.

А я мысленно признала, что он прав — мой листик под грудью и вовсе никто не увидит. Я решила, что мне в кои-то веки повезло, да и думать о нем забыла — и без того хватает проблем.

— И что же это за знак? — спросила я, нанося на ладонь целебную мазь.

— Тебя это не касается, — отрезал Роско.

— Еще как касается, — выпалила я, и он вскинул на меня внимательный взгляд. — Вдруг это какое-нибудь проклятие, — нашла я. — Ты должен рассказать целителю о таких вещах.

Роско хмыкнул и пошевелил пальцами.

— А вот тут ты, Эрика, почти не ошиблась, — вздохнул он. — Проклятие, которое зовут благословением... Но не переживай, на здоровье это никак не влияет. Кстати, мне уже полегчало.

Мазь и правда начала действовать, и ранки затянулись новенькой кожей. К утру и следов не останется.

— Постарайся беречь руку, — посоветовала я. — По крайней мере до утра ее не нагружай.

— Спасибо, — поблагодарил Роско. — Ну, я пошел.

— Ага, — сказала я, глядя в широкую спину, которая вскоре исчезла за дверью.

Проклятие? Благословение? Что это все значит?!

Я вышла следом за Роско и направилась в столовку, где уже собрались остальные члены отряда. Джинджер успела переодеться в нарядное платьице с розовыми рюшами, которое, на мой взгляд, максимально не подходило для второго круга скверны, но Роско, похоже, нравилось — он подошел к ней и поднял стакан с компотом.

— Как насчет вечеринки в честь начала практики? — громко спросил Роско, и ответом ему был восторженный гул.

Парни тут же принялись раздвигать столы, освобождая место для танцев, кто-то врубил музыкальную шкатулку. Джинджер и Габриэлла светились от счастья и покраснели под лавиной мужского внимания. Я же села за стол в уголке, положила себе вареной картошки и куриную ножку, плеснула вишневого компота в стакан, не переставая думать о метке.

Выходит, она парная. Если оранжерея ни при чем, то в чем тогда дело? В поцелуе под мостом? В сплетенной ночи?!

— Чего погасла, звезда? — спросил Гус, присев рядом и широко расставив колени. — Не теряйся! У тебя уникальный шанс отхватить себе парня. Соотношение полов, как видишь, жестко в твою пользу.

Я повернулась, рассматривая белобрысого. Балбес с раздутым самомнением, болтун и лучший друг Роско — идеальный источник информации.

— Спасибо за совет, — едко ответила я. — Только я здесь не за этим.

— Одно другому не мешает. Тем более все здоровы.

— Роско уже обратился за помощью, — возразила я. — А ты как, руку сумкой не натер?

— Не натер, — заверил он. — Она и не к такому привыкла.

И заржал еще, вот идиот.

— Я заметила у Роско рисунок на запястье, — сказала я прямо. — Ты что-нибудь знаешь об этом?

— Знаю, но не скажу.

Я отхлебнула компот, раздумывая, как подойти к вопросу с другой стороны. Как проницательно заметил Гус — я девушка. А у него явно покровительственное отношение к женскому полу. Так почему бы не сыграть на этом?

— Я волнуюсь, Густав, — почти не соврала я и даже шмыгнула носом. — Роско тоже ничего не говорит. А вдруг это что-то плохое? Вдруг я, как целитель, пропущу опасный симптом? Эта практика очень важна для меня! Я боюсь, что завалю все в самом начале!

Гус утешающе похлопал меня по плечу.

— Я бы с тобой согласился, звезда, — сообщил он доверительно. — Насчет симптома. Но опасности нет.

— У него это со сплетенной ночи? — понизив голос, спросила я.

— А ты шаришь, — одобрительно сказал Гус и, склонившись ко мне, шепнул: — Роско встретил свою судьбу.

Тот как раз запрыгнул на бочку и теперь танцевал на ней, отбивая ритм пятками. Кто-то запустил огненных светляков, и тень Роско металась по стене, то вырастая, то падая. Он стащил рубашку и закрутил ее над головой, а блики обрисовали рельефный пресс.

— Да не может этого быть, — вслух подумала я.

— Seriously тебе говорю, — заверил Гус. — Так что с Роско у тебя нет шансов, да и не было никогда. Советую обратить внимание вон на того дрыща у стеночки. Видишь, с кудряшками? Он сол какого-то дома, в академии за ним девки хвостом. В общем, доедай курицу и не теряйся.

Гус похлопал меня по спине так, что я чуть не подавилась, и отошел. А я все смотрела на Роско, танцующего полуголым на бочке. Сплетенный знак? Благословение богов? Судьба? Да ну нет же!

Роско тем временем спрыгнул с бочки и закружил в танце Джинджер, которая рассмеялась и запрокинула голову, так что рыжие локоны рассыпались по ее спине сверкающими волнами. Роско шептал ей что-то на ухо, щеки девушки пылали румянцем. А я медленно доела куриную ножку, наблюдая за их тесными объятиями.

И как это понимать? У Роско сплетенный знак идеального союза, а он зажимается с другой. Решил погулять напоследок? Или в экипаже он не просто так уточнял — черенковая ли магичка Джинджер? Под мостом я ткнула его палочкой в шею — это он пропустить не мог.

Я вытерла пальцы салфеткой, прикидывая, что Роско вообще знает о таинственной незнакомке, помимо размера груди. По всему выходило — не так уж много. Если я вдруг сама не решу признаться, то он меня никогда не найдет. Он понятия не имеет, кто именно его судьба, вот пусть так и остается, потому что я с волей богов не согласна. Это похоже на глупую шутку!

От стеночки отлепился кудрявый дрыщ, которого рекомендовал Гус, и, подойдя ближе, скромно присел рядом.

— Альфред, — представился он. — Для вас просто Альфи. Полагаю, мы будем много и тесно общаться.

— Эрика, — ответила я, неодобрительно на него глянув. — Не танцую.

— Я не за этим, — потупился Альфи, сцепив в замок тонкие пальцы. — Вы ведь целитель, не правда ли? А у меня очень слабое пищеварение...

Я мысленно пролистала дела, которые читала в карете.

— А, точно, — вспомнила я. — Сол Гвиневред. Молодец, что пришел. Лучше предупредить проблему, чем решать ее последствия.

Еще один урок от моего папы. Вот и Роско сол Вран был ходячей проблемой, и добровольно подписываться я на это не стану. Листик под грудью завянет и вскоре исчезнет, а Роско утешится в объятиях какой-нибудь доступной красотишки. Он уже...

— Я взял с собой кое-что, — вновь обратил на себя внимание Альфи. — Но, видимо, неплотно закрутил крышечку, и все разлилось.

— Пойдем, — кивнула я. — Накапаю тебе лекарств.

Уже покидая столовую, ставшую танцплощадкой, перехватила уважительный взгляд Гуса, который поднял большой палец вверх.

Я поборолла искушение показать в ответ совсем другой палец. Роско же ворковал с Джинджер, которая повисла на нем соплей. Если он спутал меня с нею, то он еще больший дурак, чем я думала.

— Сюда, — сказала я Альфи, проходя в аптеку. — Жалобы есть?

— Будут, — вздохнул он. — Одного взгляда на здешнюю кухню достаточно. Уверен — я буду страдать.

— Что поделать, — философски произнесла я, отмеряя капли от поноса. — В жизни есть место страданиям. Но в наших руках сделать так, чтобы началась светлая полоса.

Роско осторожно задавал Джинджер вопросы и с каждым ответом уверялся все больше — не та. Джинджер пошла на бытовушку, потому что с других факультетов ее поперли, и не вспомнила, кто такая Малин.

— А как у тебя с зельеварением? — спросил Роско.

— О, все отлично — я могу сделать так, чтобы этот компот забродил, — заявила Джинджер. — Чтобы было веселее, положу руны на всю кастрюлю, — с энтузиазмом сообщила она и отошла к столу.

И походка вроде другая...

— Она? — спросил Гус.

— Да кто ее знает, — протянул Роско, глядя вслед рыжей. — Не похоже.

— Так проводи следственный эксперимент, — посоветовал друг. — Зажми в уголке и пощупай.

Роско задумался и, поморщившись, покачал головой.

— Не хочу, — сказал он. — Я почти уверен, что Джинджер не та. Это будет измена.

У Гуса чуть компот носом не пошел от изумления.

— С ума сошел? — возмутился друг, откашлявшись. — Ты даже не знаешь имени той девчонки и собираешься хранить ей верность?

Роско надел рубашку и застегнул пуговицы до шеи. Вот как объяснить то, что произошло с ним сплетенной ночью? Это было настоящее чудо, куда сильнее обычной магии. И все стало таким правильным и настоящим, будто все дороги вели под мост.

Роско повернул руку и потрогал листик на запястье. Хоть бы не исчез. Если он не найдет эту девушку, то будет жалеть до конца своих дней. Потому что она была идеальной: от нежного запаха до шикарной груди. И еще она смелая и дерзкая — придумала план и воплотила его в жизнь, в чем бы он ни заключался.

— Это ужасно, — сокрушался Гус. — Просто кошмар. Мой друг добровольно дал обет целомудрия. Даже звезда пошла развлекаться, а Роско отказывается приласкать девчонку, которая согласна на все.

— Эрика ушла? — переспросил Роско, глянув в угол, где она прежде сидела, но там было пусто. — С кем?

— С тощим солом, — сказал Гус. — Молодец, ловит момент. Надо будет потом спросить у кудрявого, что она прячет под своими уродливыми кофтами. Хотя вряд ли там что интересное. Вот какая девчонка добровольно напаялит на себя бесформенный балахон? Ясен пень та, которой нечем похвастать!

Зато ей было тепло и удобно. А свой огромный рюкзак она донесла самостоятельно, бодро шагая по тропинке к посту и не ноя...

Роско расправил пальцы и сжал их в кулак. Раны зажили, как не бывало — свое дело Эрика знает. И в аптеке она разместились толково, чего не скажешь о бытовичках, которые и

не думали приступать к своим обязанностям: Джинджер колдовала над кастрюлей с компотом, а Габриэлле окружили таким тесным строем, что Гус даже не пытался через него пробиться.

— Так что определись уже точно, — продолжал бухтеть друг. — Если Джинджер твоя незнакомка, и ты ее вдруг упустишь, то потом локти себе изгрызешь.

— Ты прав, — сказал Роско. И когда Джинджер поднесла ему стакан, от которого разлило кислятиной, спросил: — А где ты была на сплетенную ночь?

— Жаль, не с тобой, — игриво сказала она.

Вот и все. Не та.

— Но эта ночь ничуть не хуже, — Джинджер покачнулась на каблуках, будто случайно расплескав вишневый напиток, и охнула: — Роско, какая же я неловкая! Пойдем скорее, я знаю отличные руны, брюки будут как новые.

Роско глянул на штанину, по которой расплывалось мокрое пятно, и пальцы сами сложились в знак очищения.

— Все в порядке, — отказался он, испытывая странный стыд за такой явный подкат.

— Но мы все равно можем заглянуть в мою комнату, я выбрала самую большую кровать, — прошептала Джинджер ему на ухо и прикусила мочку.

— Мне надо руку беречь, — отказался Роско. И пока дама не согласилась сделать все и без рук, громко добавил: — Так, заканчиваем веселье! Завтра ранний подъем. Построение в семь.

Джинджер обиженно надула губки, парни разочарованно загудели. А Роско вытер мокрое ухо и мысленно выругался. Он привязан к посту на долгие три недели и остается только надеяться, что незнакомка вспоминает его так же часто, как он ее.

Глава 4. На разведку

— Кто такая Малин?

До этого Джинджер и Габриэлла шепотом обсуждали парней, и я, прислонившись к шершавому стволу башни, слушала их вполуха, но тут встрепенулась.

— На последнем курсе травоведения учиться, — ответила Габриэлла. — А что?

Да, а что? Зачем им Малин?

— Роско спрашивал, — недовольно призналась Джинджер, рассматривая ногти. — Вскользь зацепили тему растений третьего круга, ну и всплыло имя...

Выходит, Роско забрасывал удочки, проверял. Понял ли, что ошибся, и Джинджер — не я?

— Роско повел себя странно, — пожаловалась рыжая. — Сначала был весь такой пылкий, хоть костер разводил. Веселился, танцевал, ты видела.

— Все видели, — меланхолично заметила Габриэлла, зевнув, и я мысленно с ней согласилась.

— А потом вдруг пошел в отказ. Отмазку придумал дурацкую — руку надо беречь. О, Эрика, — Джинджер повернулась ко мне. — Что там у Роско с рукой?

— Сегодня все должно быть в порядке, — честно ответила я.

Даже не собираюсь облегчать ему жизнь. Пусть отшивает поклонниц без моей помощи.

— Может, правда болело, — предположила Габриэлла. — А если и нет — не принимай близко к сердцу. Посмотри, сколько парней.

Мы топтались у входа в башню, пока Роско выстраивал парней на плацу. Альфи, который стоял последним, заметил меня и помахал рукой. В аптеке я еще раз перечитала его досье. Сын дома сол Гвиневред, находящегося на запад от скверных кругов, родился не у главы рода, а у его сестры. Он, конечно, не унаследовал корневую магию рода, но и для черенового мага рос хрупким и слабым. Я подозревала, что в детстве его слишком избаловали. Но не каждому достается такой крутой папка, как мне, который научит и рыбу ловить, и драться, всегда будет рядом, когда понадобится, но вовремя отойдет в сторону, чтобы не задушить заботой. Хоть бы найти этот цветок...

А Роско тем временем прошелся перед строем и начал инструктаж.

— Если вы думаете, что практика — это что-то вроде увеселительной поездки подальше от мамы, то сильно заблуждаетесь, — заявил он. — У нас есть цель — укрепить защитный контур от скверны.

— А ему идет форма, скажи? — пробормотала Джинджер.

— Не настолько, чтобы я вставала ни свет ни заря, — ответила Габриэлла. — Вот если бы ты уговорила его раздеться как на вчерашней вечеринке, было бы куда интереснее.

— Есть шесть точек, которые мы должны активировать, — говорил Роско. — Начнем с самой ближней — и по порядку. Здесь, на границе второго круга, нет великих домов, которые могли бы создать естественную защиту от скверны, так что мы должны возвести ее сами.

Из башни вышел смотритель, сменивший нарядную рубаху на старую кофту, серую и унылую, как хмурое небо над нами.

— Доброе утро, господин Крас, — поприветствовала я его.

— Зови меня по имени, Эрика, — ласково предложил он. — Или дядя Михаль. Ты не помнишь, а ведь я качал тебя на коленке. Как там Эдвин? Все такой же крепкий вояка?

— Нет, к сожалению, — вздохнула я. — Папа болеет.

— Да ты что... — Он поцокал языком и покачал седой головой. — У меня есть сушеный мох третьего круга, две ложки на кипятке, и любую хворь как рукой.

В папином случае хоть обложись этим мхом — не поможет.

— Я ведь тоже... пустой, — признался Михаль, мрачней. — Дом зачах, а с ним и магия потускнела. Был черенковым, так все на мне заживало как на собаке, а теперь то зуб заболит, то колено занает.

— Заходите, я вас подлечу, — предложила я. — Дядя Михаль, я что хотела спросить: ночью выглянула в окно и заметила огоньки неподалеку...

— Есть такое, — неодобрительно бросил он. — Охотники. Всякий сброд. Плевать им, что добыча в скверне запрещена, что есть законы. И ладно бы чешую дрыгуна, или шкуру угрюмца, так нет, волокут все подряд! Даже такое, за что дорога одна — за решетку!

Он сделал страшные глаза, и я вынуждена была кивнуть.

— Во всем должен быть порядок, — назидательно произнес Михаль. — А если порядка нет, то и остального не будет. Я этих охотников, бывает, шугаю, да что я им сделаю, пустой...

Он пригрозил куда-то вдаль кулаком и сплюнул. Значит, даже не стоит заикаться о помощи. Правильный дядя Михаль не даст мне сердечник, который возглавляет список запрещенных к продаже скверных растений. А вот кто-нибудь из охотников, разбивших лагерь неподалеку, может и согласиться. Это проще, чем искать алую смерть самой.

— А ты ведь, Эрика, черенковая, — утвердительно произнес Крас. — Повезло тебе. Родилась еще до того, как Эдвин устроил эту свою корневую аферу. Если б годом-двумя позже, не получила бы магию. Эдвин рискнул — и проиграл. Каждый должен знать свое место. Родился черенковым — им и живи. Нет, захотел корневую магию, великий дом... Говоришь, болеет?

— Поправится, — пообещала я.

Меня начали раздражать разговоры о том, что отец якобы в чем-то ошибся. Я гордилась им и считала, что он все сделал правильно. Каждый черенковый маг может рискнуть и попытаться вырастить свой собственный дом-башню, но попытка только одна. Папа попробовал — и проиграл. Но скверна на какое-то время отодвинулась вглубь, и кто знает — если бы не такие смельчаки, сажающие дома во втором круге, где бы мы были сейчас.

— ...на восток к холмам, — говорил Роско. — Пойдем всем составом, проверю вашу физическую подготовку. Кроме девушек, разумеется, — вспомнил о нас. — Доброе утро, дамы. Джинджер и Габриэлла, займитесь порядком. Эрика...

Он запнулся, не зная, что мне поручить, и я сказала сама:

— Я пойду с вами.

Роско удивленно вскинул густые брови.

— Целитель должен быть в отряде, — зачастила я. — Это предусмотрено стандартными правилами безопасности прохождения студенческой практики академии скверны.

— Плохая идея, — возразил он. — Ты устанешь, поранишься...

— А если пострадает кто-нибудь из отряда? — спросила я.

— Мы окажем ему первую помощь и доставим на пост, — отрезал Роско. — Эрика, не обсуждается.

— Уверен, что сможешь отличить укус сквернавчика от царапин ыгрызы? — не сдавалась я. — Сумеешь достать клеща? А оказать помощь при отравлении ядовитыми ягодами?

— В скверне ничего не жрать! — приказал Роско, окинув суровым взглядом отряд, а потом приблизился ко мне вплотную и тихо сказал: — Ты не потянешь, звезда.

Над нами нависло рыхлое небо, а не каменный свод моста, но я все равно почувствовала дежавю — так близко он подошел.

— А ты проверь, — прошептала я, упрямо задрав подбородок.

Я врал, конечно. Нет правила, чтобы целитель шел в скверну с отрядом. Я вообще сомневаюсь, что такие правила есть. Но лучше разведать обстановку в компании крепких парней, чем искать цветок в одиночку. Папа учил не геройствовать лишний раз и действовать по ситуации, разумно.

— Ладно, — нехотя бросил Роско. — Сегодняшняя точка самая легкая. Никто не осудит, если после нее ты сдашься. Выходим после завтрака! — добавил он, отвернувшись.

Парни загомонили, строй распался, а я выдохнула — первая победа за мной.

— Охота же тебе тащиться в какую-то глушь, — протянула Габриэлла, прикрывая холерной ручкой очередной зевок.

— Захотела оказаться в центре внимания? — с подозрением прищурила глаза Джинджер.

— Эрика, это правда? — Альфи вцепился мне в локоть и сдавленно пропищал: — Там что, есть клещи?!

Свежий ветер разметал облака, и болотистая пустошь блестела под солнцем как разбитое зеркало. Роско шел первым, строго по меткам, ведущим к холмам, и отряд растянулся длинной цепочкой.

Когда земля перестала пружинить под ногами, Роско перешел на бег. Надо успеть активировать точку и вернуться на пост. Они шли налегке, без палаток и спальных мешков, и ночевать в скверне Роско не планировал.

— Веди дальше, — сказал он Гусу, а сам замедлил темп, пропуская парней вперед.

Звезда тащилась в самом хвосте, хотя Роско сильно подозревал, что это из-за Альфи, который вцепился в нее как клещ. Она слегка выбесила своим упрямством, но, поразмыслив, Роско признал ее правоту. Отсюда до третьего круга рукой подать. Защитный контур весь в дырах, и может случиться всякое, так что целитель не помешает. К тому же перед стартом она обрызгала каждого какой-то вонючей фигней, и гнус, выющийся над стоячей водой, шарахался от отряда как от огня.

— Как ты там говорила, — вспомнил Роско, когда Эрика с ним поравнялась. — Ыгрыза? Что это вообще за тварь?

— Это не тварь, а колючее растение семейства кровососущих, — бодро ответила Эрика, и Роско отметил, что она даже не запыхалась. — Чаше встречается в третьем круге, но бывает и во втором. Ядовита, при воздействии может вызвать отек, судороги, и, в редких случаях, летальный исход.

Бедняга Альфи выпучил глаза и побежал, высоко вскидывая колени, как будто ыгрыза уже поджидала его за ближайшей кочкой.

— Не бойся, — успокоила его Эрика. — Ыгрыза опасна для людей без магии. У тебя от нее будет максимум сыпь.

— А ты разбираешься в травах, — задумчиво заметил Роско.

Когда Эрика спорила с ним на плацу, сердце как будто екнуло. На миг ему даже показалось... но нет, звезда куда ниже таинственной незнакомки. Когда Эрика стояла вплотную, то светлая макушка едва доставала ему до подбородка.

Пора признать, что девушка, предназначенная ему судьбой, отчего-то решила этой самой судьбы избежать. Могло ли случиться такое, что она вовсе не поняла, что произошло? Вряд ли. Все знают про сплетенную ночь, и незнакомка была в традиционном белом платье.

Когда они поцеловались, сердце Роско замерло и застучало уже по-другому. А она? Почувствовала то же самое или нет? Неужели не осознала, что между ними появилось нечто удивительное и прекрасное?

Он всю голову сломал, размышляя и выискивая причину того, что девушка так и не объявилась. Очевидно, у дамы какие-то свои сложности, раз уж она выдумала план с обратным зельем. Неужели настолько увлечена другими целями, что решила забить на истинную любовь?

Была еще одна возможная причина того, что незнакомка решила себя не проявлять. Крайне неприятная и маловероятная, но Роско все же не стал ее отбрасывать.

Что, если он ей попросту не понравился?

— Зуб болит? — поинтересовалась звезда. — Или снова что-то натер? Ты так скривился, будто съел что-то кислое.

— Все нормально, — ответил Роско, и ему вдруг пришла в голову блестящая мысль: — Эрика, — сказал он, — а ведь я тебе не нравлюсь.

Она настороженно на него покосилась и поправила лямки рюкзака, которые и без того не сползали.

— Ты такой наблюдательный, — похвалила звезда. — И умеешь делать верные выводы. Хорошие качества для командира.

— А почему я тебе не нравлюсь? — въедливо спросил он.

В самом деле, почему бы не выяснить, что именно могло оттолкнуть от него прекрасную даму.

— Чего пристал? — огрызнулась Эрика. — Беги лучше вперед к своему белобрысому другу, пока он не завел нас куда-нибудь в топь.

— Топь? — повторил Альфи. — О боги, я погибну в болоте!

— Не погибнешь, — заверил Роско. — Иначе мне практику не засчитают. К тому же мы перешли опасное место.

— Там было опасно? — ахнул кудрявый.

— Слушай, звезда, просто ответь, как девушка, — попросил Роско. — Что во мне может не нравиться?

Эрика со вздохом закатила глаза.

— Одна эта формулировка вопроса — уже ответ, Роско, — назидательно сказала она.

— Я слишком самоуверен? — уточнил он.

— Вот я и говорю — молодец, — кивнула она. — Выводы делаешь верные. Не сразу, с задержкой, медленно, как тугий несмазанный механизм...

— И это все? — не поверил он.

— А что такого произошло, что ты вдруг открыл для себя самокритичность? — спросила звезда. — Тебя кто-то отверг? Ты прочитал больше пяти страниц? Посмотрел в зеркало?

— Еще скажи, что я страшный, — не поверил Роско.

— Вкусы разные, — пожалала плечами Эрика и кивнула на Альфи. — Кому-то нравится более утонченная внешность.

Роско недоверчиво посмотрел на тощего сола, который косился по сторонам как перепуганная волками лошадь. Это что же, девушка его мечты могла предпочесть кого-то вроде кудрявого заморыша?

— К слову, я читаю книги, — бросил Роско.

— Да ну! — засомневалась Эрика.

— Могу даже продекламировать стих.

— Один? — улыбнулась она.

Роско невольно улыбнулся в ответ. Ее глаза под козырьком кепки смеялись, и препираться было даже забавно.

— Вот тебе еще одно откровение, чисто от девушки, — сказала Эрика. — Мы перешли на шаг. И если ты не хочешь возвращаться в темноте по болоту, лучше заставь отряд ускориться.

Немного досадно, но она снова оказалась права.

— Что встали? — выкрикнул Роско, обгоняя парней. — Прибавить темп! Вы не на променаде, дамочки!

Ветер стих, солнце жарило все сильнее, майка прилипла к спине. Роско взбежал на холм и нашел отмеченный на карте ориентир — сухое корявое дерево с расщепленным надвое стволом.

— Туда? — спросил Гус, ткнув в него пальцем.

— Да, — подтвердил Роско. — Возле дерева устроим привал.

И что же это получается? Он грубый? Недостаточно утонченный? Может, и так. Но боги отметили его сплетенным знаком, а значит, Роско — судьба загадочной незнакомки. Почему же она не захотела это признать?

Парни устроились на холме и достали пак, который выдал им Михаль. Воду я проверила лично и обновила руны, как и собиралась. Сев под деревом, я достала из рюкзака фляжку и с наслаждением смочила пересохшее горло. Так-то я могла бы идти и дальше — папа регулярно устраивал марш-броски по второму кругу скверны, пока болезнь не подточила его здоровье. Но было очень приятно сесть и вытянуть ноги, а заодно обдумать то, что я недавно узнала.

Роско отшил Джинджер. Он ищет незнакомку, подарившую ему поцелуй. Он полагает, и не безосновательно, что девушка его судьбы оказалась в нем не слишком заинтересована.

Я откусила бутерброд, тайком наблюдая за Роско. Сын великого дома сол Вран, лучший выпускник боевки, которому доверили вести практику, красавчик... Такие, как он, слишком избалованы женским вниманием и отлично знают, как действуют на девушек их чары. Но Роско не рисовался сейчас: он снял рубашку и остался в мокрой от пота майке, облепившей широкую спину, плеснул воды на волосы и провел по ним пальцами. Тряхнул головой, как собака, и, сев под дерево, достал из рюкзака карту, изучая дальнейший маршрут.

Интересно, как бы он отреагировал, если бы я призналась? Рассмеялся? Испугался? Или разочарованно поджал губы?..

— Эрика.

Я вздохнула и отвела взгляд от Роско.

— У меня черные точки перед глазами, — трагически продолжил Альфи. — Это давление, да? Наверное, мне лучше вернуться на пост.

— Это реально мошки, — сказала я, отмахиваясь от насекомых. — Надо обновить защиту от гнуса. Сейчас доем и попшикаю.

— А когда я вытягиваю ноги и расправляю пальцы, то на левой ступне колет мизинец, — пожаловался Альфи. Он не терял надежды найти у себя какую-нибудь болезнь, которая позволила бы сбежать с задания, а лучше вообще — с практики.

— Сними ботинок да проверь, — посоветовала я. — Может, камешек попал.

Альфи насупил, но принялся расшнуровывать обувь. Стащил с ноги ботинок, перевернул и потряс, и когда из него и правда выпал крохотный камешек, воскликнул с искренним восхищением:

— Эрика, у тебя чутье истинного целителя!

Я не стала его разубеждать. Я пошла на целительство из-за папы, но неожиданно нашла свое место. Мне нравилось варить зелья, изучать симптомы, складывать из обрывочных жалоб историю болезни и находить причину недуга.

— Уверен, мой дядя будет счастлив заполучить тебя в дом сол Гвиневред, — торжественно продолжил Альфи.

— Спасибо, конечно, но я не хочу, — отказалась я. — У меня уже есть заманчивое предложение на службу в дозоре.

Альфи уставился на меня с немим ужасом, но, к его чести, не стал отговаривать. Только шмыгнул носом и повесил голову, так что светлые кудри живописно прикрыли лицо.

— Ты очень храбрая, Эрика, — пробормотал он, рисуя на земле палочкой. — А вот я — нет.

— Тогда что ты делаешь на боевке? — поинтересовалась я. — Шел бы в артефакторику или на руны.

— Я хотел, — вскинулся Альфи. — На историю рун. Но дядя...

Я пожалала плечами. Сложно что-то советовать, не побывав в чужой шкуре. В каком-то смысле мне повезло. Я родилась еще до того, как мой папа стал пустым, и получила черенковую магию. Я не сола, так и ожиданий от меня никаких.

— Устала, звезда? — спросил Гус.

Он высился надо мной, широко расставив ноги. Ухмыльнувшись, заложил пальцы за ремень и перекатился с носков на пятки.

— Если вдруг притомилась, скажи дядюшке Гусу.

Я не отвечала, отлично понимая, что он заготовил очередную тупую шутку.

— Я тебя, конечно, не понесу, — продолжил Гус. — Звезда должна сама полететь. Надо только подтолкнуть хорошенько.

Он замахнулся и пнул ногой камень, видимо демонстрируя, как именно он бы запустил меня вдаль. Но камень, вместо того, чтобы бодро скатиться с холма, вдруг развернулся и обвил его ногу, ощерившись сотней острых зубов.

Гус взвыл, затряс ногой, пытаясь стряхнуть впившуюся в него скверную тварь. Запрыгал на одной ноге и опрокинулся на спину.

— Замри! — скомандовала я, и из руки выросла палочка. — Роско, держи его!

Роско навалился на белобрысого, фиксируя его на земле, и я шмальнула искрой точно в каменюшу. Та пискнула, развернулась и юркнула в нору под корнями сухого дерева.

Кто-то из парней бросился выкуривать ее рунами, но я уже не смотрела.

Быстро задрав штанину Гуса, я плеснула водой на мелкие кровавые ранки и наложила связку рун, впечатавшихся в волосатую икру чуть повыше порезов. Белобрысый снова взвыл — еще громче. Кровь на миг хлынула сильнее и остановилась.

— Не реви! — прикрикнула я. — Печет — хорошо. Руны выжигают яд каменюши. Или тебе хватит одной ноги?

Гус сжал зубы и быстро помотал головой.

— А если хочешь остаться на двоих, то сейчас должен быстро и долго идти, — закончила я.

Роско схватил друга за шкурку и поставил на ноги. Гус морщился и постанывал, но все же поковылял вниз по холму.

— Пикник закончен, — скомандовал Роско. — Выкладываемся на максимум.

Притихшие парни быстро вставали, стряхивали крошки и прятали фляги с водой. Еще минуту назад наш привал и правда походил на пикник, но скверна быстро показала, что расслабляться не надо.

— Может, вернуться к посту? — тихо спросил Роско.

— Не надо, — ответила я, закручивая крышку на опустевшей фляге. — Только не позволяй ему останавливаться.

— А иначе он умрет? — дрожащим голосом уточнил Альфи.

— Не умрет, — успокоила его я. — Хотя при отсутствии правильного лечения была такая вероятность. Кожа покрывается струпьями, сереет... Впрочем, не думай об этом. С Гусом все будет отлично. Был бы он черенковым, как ты, я бы даже не заморачивалась.

Роско потянулся за моим рюкзаком, но я забрала его и натянула лямки на плечи.

— Я думал, ты одаренка, — сказал Роско, хмурясь.

— А я думала, что командир должен ознакомиться с данными по каждому члену отряда, — отрезала я.

Он не стал оправдываться, что мол якобы не успел, не подумал... Вместо этого молча кивнул.

— Ты молодец, Эрика, — коротко сказал Роско и пошел вперед.

А я мысленно поздравила себя со второй победой — теперь никто не прогонит меня из отряда, и шансы найти алую смерть резко возросли.

Хотя вообще-то я перестраховалась, тем более тварь была мелкая и даже без характерного черного крапа вдоль хребта. Но Гус — мой должник. И, если правильно надавить, не откажется сопроводить меня в лагерь охотников, который, увы, остался в стороне от маршрута.

Глава 5. Должок

Роско гнал отряд, как бешеный, так что к первой точке мы добрались сразу после полудня. Первым делом я осмотрела ногу Гуса и осталась довольна. Так-то нога как нога, все такая же волосатая и немного кривая, но раны от укуса каменяши выглядели неплохо.

— Опухло, — страдальчески сказал Гус. — И чешется.

— Так почеши, — позволила я.

— А что скажешь, как целитель? Она не отвалится?

Гус смотрел на меня круглыми глазами, как перепуганный ребенок, но я не стала его заранее успокаивать: пусть не расслабляется — здоровее будет. А в следующий раз подумает перед тем, как хамить и пинать в скверне тварей.

— Я вижу позитивную тенденцию, — все же ответила я, и Гус шумно выдохнул и вытер рукавом нос. — Однако окончательное мнение составлю, когда вернемся на пост, — добавила сухо.

Гус покивал и, когда я развернулась, чтобы уйти, схватил меня за руку.

— Эрика, ты, это, не обижайся, — попросил он. — Я ж не со зла про звезду и прочее...

Я высвободила руку и молча ушла. Гус так легко не отделается. Не то чтобы он мне был сильно нужен — я бы с удовольствием пошла в лагерь охотников и одна, но велик риск, что со мной никто не захочет иметь дела.

Я давно заметила, что есть особая категория мужиков, которые упиваются мелкой властью над женщинами и не упускают возможности самоутвердиться. Как правило, они работают в исконно мужской сфере: скверноборцы, кузнецы, ремонтники самоходных экипажей. Отдельно стоял архивариус академии скверны. Мерзкий старикашка с козлиной бородкой откровенно меня невзлюбил и не стеснялся утаивать нужные книги. Я полагала, что таким образом эти мужчины мстят за свою невостребованность у женского пола и компенсируют некоторые физические недостатки. Но для уверенности мне не хватало результатов исследований, а как целитель я не могла позволить себе поверхностных выводов.

Но факт — когда папа был рядом, никто не разговаривал со мной как с умственно отсталой. Вот и возьму с собой Гуса, авось найдет с охотниками общий язык.

А артефакт защиты, к которому мы, благодаря каменяше, пришли очень быстро, представлял собой деревянный столбик, едва достигающий мне до бедра.

— Представляешь, полностью разряжен, — сообщил Роско, стоя перед ним на коленях.

Он держал ладони на верхушке столба, и руны, увивающие его, медленно загорались. Я присела рядом и положила ладонь на уже теплый артефакт, но Роско перехватил мое запястье и мягко отодвинул.

— Не надо, — сказал он. — Не будем расходовать твой магический резерв на ерунду — мало ли.

— Как скажешь, — согласилась я.

Шумел ветер в роще неподалеку, а по холмам, поросшим сизой травой, бежали волны. Две птицы вились в небе, то падая, то взмывая, и если бы не приглушенный спор парней, вяло переругивающихся насчет размещения на посту, и нытье Альфи, который снова вытряхивал камешек из ботинка, момент был бы даже интимным.

— Как там Гус? — спросил Роско, отпустив мое запястье.

— Плохо, — ответила я, и он испуганно вскинул на меня глаза. — Твой Гус — хам и недотепа, и с этим уже не помочь, — поспешила я пояснить. — Но если мы пойдем назад в том же темпе, то он останется на двух ногах.

— Угу, — с облегчением промычал Роско.

И как только весь столбик засиял ровным синим светом, скомандовал возвращаться.

Забавно, но парни из отряда будто взяли меня под крыло: то подавали руки, помогая перебраться через поваленный ствол, то пытались перенести через ручей. Я ловила на себе заинтересованные взгляды, но не слишком-то обольщалась — просто им не на кого больше смотреть.

А когда мы добрались до поста, и навстречу вышли Джинджер и Габриэлла, в милых зеленых платьях с белыми фартуками и оборками, я с облегчением вернулась к роли невидимки.

— С возвращением, — сказала Габриэлла. — Вы, наверное, очень устали. В бане есть теплая вода, чтобы освежиться после долгого и сложного пути.

— Тем более ужин еще не готов, — откровенно добавила Джинджер. — Вы как-то рано. Сбросив рюкзаки, парни гурьбой пошли к помывочной, и я перехватила Гуса.

— После ужина зайди ко мне в лекарню, — строго сказала ему. — Надо обработать раны. А заодно я обработаю Гуса, пока он чувствует себя растерянным и виноватым.

Вода была еле теплая, и я не стала задерживаться в бане: наскоро смыла пот и пыль, отжала волосы и слегка подсушила их знаком ветра. Надев чистый халат и бросив грязные вещи в стирку, пошла в башню, а там столкнулась с Гусом, который уже топтался рядом с лекарней.

— Снимай штаны, — сказала я, открыв дверь и проходя внутрь. — Ложись на кушетку.

В другой ситуации Гус наверняка выдал бы парочку скабрёзных шуток, но каменюша сильно его подкосила. Он стащил штаны и вытянулся на кушетке, не проронив ни слова. Я обработала ранки обеззараживающим средством, наложила несколько знаков, очищающих кровь.

— Вроде, неплохо выглядит? — неуверенно спросил Гус, приподнявшись на локтях.

— Так и есть, — подтвердила я.

Поводив пальцем по бедру чуть выше колена, я нарисовала руны быстрого заживления и поймала на себе внимательный взгляд Гуса.

— Что? — спросила я.

— Ничего, — сказал он. — Ты, это, другая сейчас. Такая вся... мокрая.

Фыркнув, я отошла к шкафчику с лекарствами, взяла мазь и, повернувшись, убедилась, что белобрысый пялится на мой зад.

— Опасность миновала, — сообщила я ему. — Теперь можно с полной уверенностью сказать, что обе ноги останутся при тебе.

— Спасибо, — выдохнул он. — Эрика, ты не представляешь, как я тебе благодарен!

— Сильно? — невинно уточнила я, нанося на ранки тонкий слой мази.

— Еще как! — подтвердил Гус. — С меня причитается.

Я облизнула губы и глянула на него из-под ресниц — подглядела, как флиртуют бытовички со старших курсов. Кажется, я все сделала правильно, потому что Гус сглотнул и посмотрел на мои пальцы, медленно скользящие по его ноге.

— Густав, — я вздохнула, выдержала паузу, как будто набираясь решимости. — Раз уж ты сам предложил, не мог бы ты оказать мне в ответ маленькую услугу?

Он вздернул выгоревшие добела брови и несмело улыбнулся.

— Что ты хочешь?

Я вновь покусала губы, бросила на него быстрый взгляд.

— Так сложно признаться, — вздохнула я. — Это кое-что очень личное.

Улыбка Гуса стала шире.

— Личное? — переспросил он. — Насколько?

— Совсем, — призналась я и положила руку ему на бедро. — Можно сказать, интимная просьба.

Гус хмыкнул, развернулся и сел на кушетке, свесив ноги так, что я оказалась между его колен.

— Так-то я всегда готов... Но почему я? — поинтересовался он и намотал влажную прядь моих волос на палец.

Я едва сдержалась, чтобы не стукнуть его по клешне.

— Мне кажется, ты отлично справишься, — с придыханием заверила я.

Всего-то надо пойти со мной ночью к лагерю браконьеров и посветить там своей невыразительной рожей — дело не хитрое.

— Ты что-то слышала обо мне? — спросил он. — Эм-м... положительные отзывы?

— Я читала твое дело, — продолжила я, запрокинув голову. — Ты ведь одаренка, второй степени. Очень хороший уровень для неурожденного мага.

Гус согласно кивнул.

— Башня не подарила бы тебе магию, если бы не посчитала, что ты заслуживаешь этого в полной мере, — добавила я, и улыбка Гуса стала прямо-таки предвкушающей.

Девушки, как правило, становились одаренками после интимной связи с корневыми магами, а парни — с хозяйками башен. Однако я очень сильно сомневалась, что Гус получил магию именно таким образом. Куда вероятнее, что он вырыл канаву, вскопал поле или еще как-то послужил на пользу дома и края. Но пусть думает, что я считаю его великолепным любовником.

— Значит, ты хочешь, чтобы я...

Я прижала палец к его губам.

— Сначала клятва, — прошептала я.

— Клятва? — промычал он.

— Я отлично знаю, какой ты болтун, — укоризненно произнесла я. — Не хочу, чтобы ты растрепал о том, что произойдет между нами, всем и каждому.

— Да я никому...

— Поклянись, — потребовала я и нарисовала на его бедре знак обещания. — Скажи: я исполню просьбу Эрики и никому не расскажу о том, что произойдет этой ночью.

— Клянусь, — легкомысленно пообещал Гус, и знак вспыхнул на его бедре, принимая слово. — Я правильно понимаю — у тебя это в первый раз?

Нахально подцепив ворот моего халата, он оттянул его и, заглянув в вырез, присвистнул. Я шлепнула Гуса по руке и запахнула халат плотнее.

— В первый.

Раньше как-то не доводилось заключать сделки с браконьерами скверны.

— Я буду нежным, — пообещал Гус.

— Не надо, — отказалась я. — Даже наоборот. Мне нужен грубый жесткий мужчина, который, если потребуется, и в морду даст.

— Чего? — нахмурил он белесые брови. — Слушай, звезда, я не хочу тебя бить!

— Да не меня, — успокоила я. — Охотников. Хотя я надеюсь, что обойдется без драки. Иди одевайся, встречаемся через полчаса за колодцем.

— В смысле? — совсем растерялся Гус. — Какие охотники? Зачем за колодцем?

— Затем, что там северные ворота, а нам туда, — терпеливо пояснила я.

— Куда?! — с отчаянием воскликнул он.

— В лагерь браконьеров. Проведешь меня, за спиной помаячишь, типа телохранитель. Закрутив мазь, убрала ее на полку. Все вышло еще легче, чем я надеялась.

— Я не так понял! Я думал, ты о другом! — продолжил стонать Гус.

Я пожала плечами, не скрывая торжествующую улыбку.

— Ты дал клятву, — похлопала его по бедру с еще мерцающим знаком. — Все, иди собирайся. Я тоже пойду. Что там на ужин?

— Ужин отстой, — мрачно сказал Гус, спрыгнув с кушетки. — И твои манипуляции тоже.

— Не ной, — отрезала я. — Сам сказал — ты мой должник. Вот и вернешь долг.

Он надел штаны, сердито вжикнул молнией. Погрозил пальцем, как будто подбирая слова, но так молча и вышел.

— Полчаса! — напомнила я ему в спину. — И ни слова!

Забегав в комнату и переодевшись, я отправилась в столовку. Гус не соврал — ужин и правда был отвратительный: слипшаяся комками перловка и кривые ломти мяса, горелого снаружи и сочащегося кровью внутри. Дядя Михаль увидел, как я без аппетита ковыряюсь в тарелке, и жестом позвал меня в кладовую.

— С этими вашими бытовичками каши не сварить, — откровенно сказал он, строгая бутерброд из мягкого пористого хлеба и ветчины. — А командир, Роско, даже не корневой маг!

— А какая разница? — промычала я, откусив полбутерброда разом и зажмурившись от наслаждения.

— Большая, — строго сказал Михаль. — Во всем должен быть порядок. Командир отряда — корневой маг, так заведено.

— Так не хватает на всех корневых!

А у Роско это вроде испытания перед дозором. Справится — пойдет командиром отряда. Оплошает — рядовым.

Михаль вздохнул, покивал седой головой.

— Тревожно мне, — доверчиво признался он. — Непокойно. Третий круг — рукой подать, а вдруг что...

Я отряхнула пальцы от крошек, глотнула молока из чашки, которую протянул Михаль, и, поблагодарив, помчалась во двор.

Третий круг действительно близко, но меня это только радовало. Где-то там, отпугивая белый туман, распускает алые лепестки сердечник. Вероятность найти его возрастала в местах, где была пролита магическая кровь. А в третьем круге сложнее найти место, где ее не проливали.

Когда я подошла к колодцу, из тени появилась долговязая фигура. У ворот я задержалась, пытаюсь справиться с заржавевшим затвором, и Гус, протянув руку, легко его отодвинул.

— Вот, уже пригодился, — похвалила я и проскользнула в створку.

На пустошь уже опустилась ночь. Звезды густо усыпали небо, месяц плыл серебряной лодочкой по молочной реке, и все вокруг стихло в немом восхищении. Кроме комаров. Я достала из кармана куртки средство от насекомых и щедро обрызгала и Гуса, и себя.

— Идем вон на те огоньки, — указала ориентир.

Лагерь охотников светился вдали как созвездие, упавшее вдруг на землю. Какое-то время мы шагали молча, только хлюпала под ногами грязь. Гус вжился в роль телохранителя и задвинул меня за спину, выбирая путь. Я не возражала и мысленно себя похвалила: во-первых, вдвоем, что ни говори, спокойнее, во-вторых, как исполнитель Гус очень неплох — шагает себе как цапля, языком попусту не болтает...

— Зачем ты прячешь грудь, Эрика? — спросил он без всяких прелюдий, и я поняла, что поторопилась с выводами.

— Разве я должна ее всем показывать? — уточнила я.

— Ну, парням нравится...

— И что?

— Ты девушка. У тебя это в природе — завлекать, — упрямо заявил он. — И даже не отрицай. Ты вон как со мной флиртовала.

— Это была часть плана, не обольщайся.

— Уверена? — уточнил он, обернувшись. — Мне показалось, между нами проскочила искра.

— Показалось, — подтвердила я. — Лучше смотри под ноги, чем нести ерунду.

Гус отвернулся и пошел дальше, недовольно сопя — определенно надо что-то решать с его носовой перегородкой.

— А что у охотников? — спросил он.

— Мне нужна одна штука, — нехотя ответила я. — Находим главного, я договариваюсь, уходим.

— Какая штука? Это что-то противозаконное? Впрочем, конечно, противозаконное, раз они браконьеры. Это связано со звездой, что ты получила на лоб в том году?

— Чем меньше информации ты узнаешь, тем меньше риск, что проболтаешься, — отрезала я. — Помолчи уже хоть немного.

Кочка, покрытая щеткой травы, вдруг шевельнулась и шустро уползла прочь, когда Гус выстрелил в нее магией. Я лишь успела увидеть чешуйчатый хвост с раздвоенным жалом.

— Давай зажгу огоньки, — предложил Гус. — Вроде, далеко отошли. Роско не заметит.

— Давай, — согласилась я.

Зеленые светляки сорвались с его ладоней и понеслись над самой землей, подсвечивая дорогу и распугивая мелких скверных тварей, выползших на ночную охоту.

— К слову, а как ты на самом деле получил магию? — спросила я. — Рыл канаву? Поле?

— Почему ты думаешь, что я что-то копал?

— Даже не знаю, — ответила я. — Мне кажется, тебе к лицу лопата.

— А мне кажется, ты просила тишины, — напомнил Гус.

— Значит, я угадала?

— Ты вообще-то тоже не ответила на мой вопрос, — напомнил он. — Так и не призналась, что нам надо в лагере браконьеров. И что ты говорила по поводу драки? Думаешь, нас будут бить?

— Не исключено, — вздохнула я.

От охотников, плюющих на законы нашего мира, можно ожидать чего угодно.

— Если и правда начнется заварушка, действуем так: я привлекаю внимание на себя, а ты беги, — предложил Гус, и я посмотрела в широкую спину с некоторым удивлением — вот уж не ожидала от него благородства.

— Не стану я бежать, — возразила я. — И бросать тебя на растерзание — подло.

Гус вновь обернулся и подмигнул.

— Я и говорю — была искра, — осклабился он.

А в лагере нас уже ждали. Здоровенный мужик с косматой бородой отделился от кучки охотников, окинул хмурым взглядом Гуса, потом меня.

— Студенты, — сказал он неодобрительно. — Вам что, хохотун-травы надо?

— А есть? — оживился Гус.

Я пихнула его локтем и вышла вперед.

— Есть предложение, — сказала я. — Особое. Не для лишних ушей.

Бородатый помедлил и молча кивнул в сторону большой палатки в центре лагеря.

Глава 6. Уговор

Внутри палатки оказалось светло и внезапно уютно: ширмы, расписанные цветами, гирлянды мерцающих светляков, стеганные цветастые коврики. По примеру хозяина я сняла ботинки, оставив их у входа, и села на предложенный мне низкий стульчик. Гус остался маячить у входа, проявив несвойственную ему деликатность.

Бородач взял глиняный кувшин, плеснул в стакан мутную жижу и, сев напротив, процедив сквозь зубы глоток.

— Мне нужен сердечник, — без предисловий сказала я.

Поморщившись, мужик pokrutil в пальцах стакан и ответил:

— Нет.

Я осталась сидеть, будто приклеившись к месту. Не собираюсь сдаваться из-за одного отказа.

Поначалу бородач показался мне хмурым, но сейчас я отмечала детали: испарина на лбу, под глазами круги, на виске трепещет синяя венка. Я быстренько подсчитала пульс — учащен.

— Валите, — сердито добавил мужик и сделал еще глоток.

Я принялась — в этом пойле, что он страдальчески цедит, точно есть кора ивы, я сама использую ее для простых обезболивающих зелий.

— Не дошло? — спросил бородач.

— Зубы? — наугад предположила я. — Могу вылечить.

Мужик вскинул на меня взгляд, будто я звезда, упавшая с неба.

— Не врешь? — с надеждой спросил он.

— Она очень хороший целитель, — подтвердил от входа Гус. — Лучший на курсе.

Мужик отчаянно закивал и убрал стакан.

— Давай, — сказал он. — Я на все согласен.

И рот раззявил.

Я едва сохранила невозмутимое выражение лица — успела повидать всякого на практике в том году.

— Беру свои слова назад, — честно призналась я. — Тут лечение не поможет.

Мужик захлопнул рот и посмотрел на меня взглядом побитой собаки.

— Могу вырвать и вырастить новый, — предложила я. — Так, Гус, разувайся и проходи, будешь ассистировать. Где у вас тут можно положить пациента?

Не теряя времени даром, я развила кипучую деятельность: нашла котел с водой, подогрела и обеззаразила его рунами, тщательно вымыла руки. Мужик устроился на коврике, а я перевесила гирлянды светляков ближе.

— Ой, фу, — поморщился Гус, когда бородач снова открыл рот.

— Заткнись и держи его, — приказала я, встав на колени рядом с пациентом.

Можно было бы использовать заклинание, которым я заколдовала Роско под мостом, но кто знает, как быстро бородач расколдуется — мне с ним еще о сердечнике торговаться.

— Меня зовут Свен, — пробормотал мужик, а Гус прижал его плечи к полу.

— Эрика, — представила я, взмахнув рукой и призывая магию. — Будет немножечко больно.

Палочка выросла в моей руке, и я нарисовала в воздухе знак силы.

— Ты точно знаешь, что делать? — спросил Свен.

— Абсолютно, — заверила я. — Зубы, можно сказать, моя специальность — в том году проходила практику в собачьем приюте.

— Что-о? — протянул Свен, и я прицельно ткнула палочкой в гнилой зуб.

Вспышка магии озарила палатку молнией. Свен заорал и попытался удрать, но Гус ловко зажал его локтем на удушающий.

— Молодец, — похвалила я. — Держи его. Я еще не закончила.

Свен засучил ногами, пытаясь уползти, махнул рукой, едва не влепив мне по носу.

— Потерпи, немного осталось, — попросила я, отклонившись. — Давай, открой пасть. Ой, то бишь, рот.

Он замычал, покрутил головой. К счастью, прием был давно отработан: я ткнула палочкой под нижнюю челюсть, и та распахнулась как ворота побежденной крепости.

— То-то же, — пробормотала я, засунув пальцы ему в рот. — Готово!

Зуб выскочил, как птенчик из гнезда, и я гордо продемонстрировала его Свену.

Он часто дышал, выпучив глаза. Оттолкнув руку Гуса, сел, ощупывая языком пустую лунку. А потом посмотрел на меня со смесью ярости и удивления.

— Не тот зуб! — воскликнул Свен.

— Да как не тот! — возмутилась я, сунув ему под нос почерневший пенек. — Сам посмотри!

— Не тот! — чуть не плача повторил Свен. — Сверху болит!

Ругнувшись себе под нос, я зажгла светляк на конце палочки и засунула ее в рот бедолаге.

— По-хорошему, тут надо зубов десять менять, — вздохнула я. — Гус, держи.

Свен не успел дернуться, как вновь оказался в захвате.

Вспышки озаряли палатку одна за одной, я складывала зубы в ровный гнилой рядок. Запоздало заметила, что Свен как-то слишком пунцовый.

— Да отпусти уже, — приказала Гусу, — ты же его задушишь.

Он ослабил хватку, и Свен втянул воздух и громко протяжно застонал. А в палатку вдруг ворвались люди.

— Убивают! — завопил кто-то.

Я только и успела, что откатиться в сторону и выставить щит, как в одну из расписных ширм швырнули Гуса. Крики, гвалт, чье-то криво брошенное заклинание прожгло в палатке дыру. Мелькали руки, ноги, штанина задралась, и я заметила ранки от каменя — отлично заживают, ни следа воспаления. Кто-то схватил Гуса за белые лохмы и окунул прямо в котел с чистой водой...

— Штоять! — шепеляво скомандовал Свен. — Прекратить! Все в порядке!

Охотники стихли, повернулись к нему.

Взяв полотенце, Свен вытер кровь, размазавшуюся по лицу, досадливо поморщился и встал. А Гус вынырнул из котла, отплеываясь.

— Как же в порядке, — несмело возразил один из охотников, — если у тебя вся рожа в крови?

— Лешат они меня, — проворчал Свен.

— Лечат? — изумился другой. — Этот долговязый тебя душил, так что глаза чуть на лоб не полезли!

— Вас никто не звал, — рассердился Свен. — Натоптали, ширму сломали. Штудентика шуть не притопили! А ну, вон все!

Охотники, озираясь, гурьбой поспешили на выход, и вскоре в палатке вновь стало пусто. Гус провел пятерней по волосам и стряхнул воду.

— Продолжим? — предложила я, убрав щит.

Пришлось повозиться, но вскоре я активировала на рост все зубы Свена.

— Ешьте рыбу, — писала я на выданном мне холсте кисточкой и красками. — Больше молочных продуктов. Косточки не давать... Эм-м... В смысле, нельзя твердые продукты вроде орехов. Старые зубы следует закопать и присыпать перцем. Перец есть?

— Ешть, — промычал Свен, держась за челюсть.

— Новые зубы проклюнутся через три-четыре дня. Десны будут чесаться — это нормально. Жуйте сушки.

— Шпашибо, — буркнул Свен.

— Теперь об оплате, — сказала я, возвращая кисточку в стакан и поворачиваясь к мужику.

— Ты же целитель, — напомнил Свен, посмотрев на меня укоризненно. — Зашем тебе самый ядовитый в мире цветок?

— Затем, что самый сильный яд в маленьких дозах может стать лекарством, — ответила я и вдруг добавила откровенно: — Мой отец умирает. Это последняя надежда.

Свен помолчал и кивнул.

— Я поштараюсь, — сказал он. — Но обещать не могу. Очень редкое растение.

— Алая смерть растет там, где была пролита кровь магов, — торопливо сказала я. — В третьем круге таких мест полно.

Свен покачал головой.

— Не вше так просто, — сказал он. — Я на травника ушилсь, в академии. У мага, пролившего кровь, должно быть ражбито сердце: несчастная любовь, предательство... Алую шмерть пытались вырастить и не раз, но никому это не удавалось.

— В этом году удалось, — возразила я. — Одна травница вырастила сердечник в оранжерее.

— Что ж ты его не забрала? — спросил Свен.

— Не успела, — вздохнула я.

Если не выгорит тут, можно попробовать обратиться к Малин. Получилось один раз — получится и второй. Вот только понадобится время, а у отца его осталось очень мало.

— Когда мне прийти? — спросила я.

— Я шам приду, — пообещал Свен.

Охотники провели нас до середины пути, показав утоптанную тропинку, ведущую прямо на пост. На прощание виновато похлопали Гуса по плечам и сунули ему какой-то сверток.

— Ты молодец, — похвалила я Гуса, который снова шел впереди.

— Угу, — промычал он.

— Отлично справился.

— Угу.

Как будто с совой разговариваю.

— Из тебя получился отличный ассистент, — продолжила я. — Будешь всегда мне помогать.

— Угрожаешь? — обернулся Гус. — Ты опасная женщина, Эрика Трикс.

— Угу, — ответила я. — А чего это тебе там охотники в кулек отсыпали?

Гуса все не было, и поначалу Роско только радовался этому факту: можно нормально выспаться без его раскатистого храпа. Но чувство долга и обязанности командира заставили выбраться из постели и отправиться на поиски друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.